

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

БРАТСТВО
СПЕЦНАЗА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Братство спецназа

«Автор»

Самаров С. В.

Братство спецназа / С. В. Самаров — «Автор», — (Спецназ ГРУ)

Оставлять свидетелей – это роскошь. А роскошь Сохатый, бывший спецназовец ГРУ, как человек военный, не любил. Его автограф – пуля между глаз – получило большое количество людей. Сохатый любил работу киллера. Это единственное, что он умел хорошо делать. Сначала он убивал по справедливости, потом стал убивать по заказу. Страсть к убийству овладела им целиком. Он жил в ожидании убийства. Так было до тех пор, пока Сохатый не встретил однополчанина по прозвищу Доктор Смерть...

© Самаров С. В.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	25
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Самаров

Братство спецназа

Глава 1

1

Утро не бывает долгим, если очень спешишь – истина стара, как мир под солнцем. Дмитрий Дмитриевич Лосев, в обиходе просто Дым или Дым Дымыч, или вообще просто Сохатый, хорошо знал это. И еще он знал другое. Если спешить перестанешь, то обязательно все успеешь сделать.

Вот и в это утро он хотел было сократить время интенсивной утренней зарядки, которую в сорок лет делать стало необходимо, иначе форма терялась катастрофически, но вовремя остановил себя и продолжил резкие, толчковые отжимания от пола.

Толчок – хлопок в ладоши, толчок – хлопок.

В его возрасте на это способен из ста мужчин только один. Впрочем, из нынешних молодых такое смогут выполнить еще меньше. Слабаки в будущее пошли косяком и с сигаретой в зубах. Причем курить научились раньше, нежели ходить.

После зарядки, восстановив дыхание, прошел в ванную и встал под душ. Здесь все стены были зеркальными – сам он эти зеркала и крепил в те еще старые советские времена, когда кафель можно было достать только по большому благу, которого у него не было. Зеркала, а Сохатый после амнистии работал некоторое время в зеркальной мастерской, оказались более оригинальным украшением стен. Ни у кого он такого не видел.

И сейчас Дым Дымыч с удовольствием смотрел сквозь пар на свое отражение в зеркалах. В одежде он никого не мог удивить фигурой. Все в норме. Плечи той ширины, которая необходима, – не шире и не уже, руки как руки. Рост всего метр восемьдесят. И только когда раздевался, знаток – а он сам был знатоком – мог понять, что представляет собой его организм. Ни одной перекачанной или закрепошенной мышцы. Но каждая из них рельефна и играет, нервно отзывается при самом мимолетном движении. Обнаженный он сам себе казался стальной пружиной, всегда готовой выпрямиться со страшной силой. И даже шрамы от четырех ранений – двух армейских и двух более поздних – сначала заточкой в зоне, потом пулевое – охранник попался тренированный и с хорошей реакцией, – фигуру не сильно портили.

После душа прошел на кухню, поставил чайник, а сам выглянул в окно. Интересно, как сегодня люди одеты... Погода в первые летние дни еще не устоялась, и если с вечера жарко, это еще не гарантия, что утром ты не будешь мерзнуть, как бездомная облезлая псина с помойки в их дворе, – Сохатый этого пса время от времени чем-нибудь подкармливал.

Старые, как сам панельный дом, кусты сирени доставали почти до подоконника второго этажа, на котором Лосев жил. Недавно еще пахучие и радующие взгляд соцветия большей частью потемнели, скукожились.

Деревья и кусты мешали рассмотреть тротуар полностью. И потому он не разобрал, как одет первый прохожий, прошедший слишком близко к газону. Но двух следующих увидел. Идут в легких куртках, не в рубашках. Значит, все-таки прохладно. Очень хорошо. Это дает ему возможность сегодня тоже надеть куртку.

Сегодня сложный день. И под курткой легко прячется пистолет. В другой, более легкой одежде это сделать труднее. По крайней мере, под пиджаком опытный глаз всегда может определить наличие оружия.

Телефонный звонок оторвал Дым Дымыча от размышлений.

– Слушаю, – буркнул он в трубку.

– Привет, Сохатый!

– Привет, – голос он узнал.

– Как там наши дела?

Дым Дымыч соорудил невидимому собеседнику страшную гримасу.

– У меня еще три дня в запасе.

– Уложишься?

Сохатый громко и демонстративно вздохнул.

– Естественно.

– Помощь нужна?

– Переживу.

– Я вчера тебе звонил. Часов в одиннадцать.

– Я позже вернулся.

– Ну ладно. Значит, как договорились...

– Порядок...

Он положил трубку и опять поморщился. Не любил Дым Дымыч, когда ему напоминают о работе. По условиям договора, у него еще большой запас времени. И ни к чему нервировать специалиста. А он – специалист. Таких специалистов в городе больше не найти. Они знают это, но все же звонят. Дергают, торопыги неумные, Хавьера, а Хавьер – его. Сильно, должно быть, достал их Толстяк.

Толстяк, похоже, сильно достал многих. За год – три покушения. Такое не бывает случайным. Везучий, падла – с трех-то раз всего легкое ранение в предплечье. Два охранника при этом убиты. Накрылись и двое киллеров. Да у Толстяка нет, кажется, ни одного партнера, которого он бы не кинул. Дым Дымыч поинтересовался его историей. Толстяк начал работать с одноклассниками. Они и стали первыми его жертвами. Обобрав их, он круто пошел в гору. Одновременно богател, толстел и лысел. Дым Дымыч где-то читал, что лысина – неприменный атрибут нечестных бизнесменов и рэкетиров. Объяснялось это с точки зрения астрологии и доказывалось, что рэкетир со временем обязательно полысеет.

Лысых заказывали часто. Семьдесят процентов, наверное. Это тоже о чем-то говорит. Теперь вот лысый Толстяк. Первые три киллера, которые до него неудачно добирались, – залетные. Личности двух ментами установлены точно. Третий, который после неудачи сумел уйти и раствориться в городе, – земля слухами полнится! – из той же серии. Вообще-то такое положение обязывает нанять киллера вновь со стороны. И менты правила киллеров знают, а потому не слишком стараются трясти возможные местные варианты. Когда Хавьер передал Сохатому предложение, Дым Дымыч даже улыбнулся. Милое дело – сработать дома! А искать будут – он надеялся – чужого. Как положено по закону жанра...

2

До гаража обычно добираться – добрых сорок минут. Нудных сорок минут в трамвае. И потому Дым Дымыч, если знал, что утром ему следует поторопиться, ставил машину на платную стоянку недалеко от дома. Да в нынешние времена вообще рискованно оставлять машину в гараже, даже если там такая сложная и надежная сигнализация, как у него. Пару месяцев назад молодые ребятки из соседних домов без натуги вскрыли ночью один из гаражей и – сообразительные, засранцы! – прошли почти насквозь целый ряд, проламывая боковые стены, выложенные в полкирпича. До гаража Дым Дымыча, слава богу, не добрались – два бокса пройти осталось. Устали, должно быть, стены ломать. А у него в то время хранился в верстаке целый арсенал взрывчатых веществ. Теперь он в гараже ничего компрометирующего не держит. Да

и машину предпочитает ставить поближе к дому. И вообще пора бы этот гараж продать. Все удовольствие от него – подпол, где раньше, когда мать была жива, стояли банки с соленьями. Сейчас и в подполе ничего нет. И нет смысла в сохранении такой недвижимости. Одни расходы на налоги.

Стоянка через дорогу и чуть наискосок от дома. У Дым Дымыча не очень новый и не слишком броский серый «БМВ-570» – таких на улицах полно, никто внимания на нее не обратит и не запомнит. Точно так же, как и на хозяина. А это в его работе одна из самых главных составляющих – оставаться серым и незаметным.

Выезжая, Лосев заметил, что в будке сторожей происходит передача смены. Все, как положено – утро. Пришел новый дежурный. Этого он еще не видел. Парень в джинсах и в камуфляжной куртке, из-под которой выглядывает тельняшка. Полудесантное странное обмундирование. Дым Дымыч не любил, когда посторонние люди носили тельняшки под камуфляжными куртками. Казалось, что они права на это не имеют.

Сохатый притормозил у выезда, чтобы получше рассмотреть нового дежурного. Тот как раз направлялся к выходу, чтобы опустить цепь и выпустить машину. У парня не было одной руки. По возрасту он к афганцам не подходил. Может быть, чеченская война. Там тоже была большая мясорубка.

Сохатый, выехав, направился на заправку.

Утренний город поражал своей деловитостью. Люди спешили на работу. Лица сосредоточенны. Они думают о предстоящих делах. Думают точно так же, как он о своих. Это потом, часа через три-четыре, город изменит свое лицо. На улицах народу станет значительно больше. И непонятно будет, кто же тогда работает. Откроются многочисленные торговые точки, заполнятся людьми залы магазинов. И будний день станет похож на день субботний старых времен, когда не только этот город, но и вся страна жили иначе.

Сохатый спешил на работу, как и все. И сам улыбался от этих мысленно произнесенных слов. Это даже хорошо, что к исполнению он приступает со смехом, в хорошем расположении духа. Примета верная и никогда раньше не подводила. Значит, дела пойдут, как он и планировал. А от точности соблюдения плана зависело почти все.

Большое восьмиэтажное здание на проспекте Победы. Раньше здесь был какой-то проектный институт, имеющий отношение к строительству. И потому к административному корпусу пристроен корпус производственный. Сейчас сам институт, собственно, занимал только два верхних этажа. Остальные ушли под аренду фирмочкам, фирмам и фирмищам. От самых маленьких, где шестером сидели на десяти квадратных метрах площади, до солидных, занимающих несколько этажей. Так, левое крыло на первом, втором и третьем этажах заняла финансово-строительная компания «Эко». Сохатого интересовал как раз второй этаж. Три трехкомнатных кабинета в правом крыле, арендованных известной в городе фирмой «Альто-S. Ltd.», где Толстяк занимал должность генерального директора. На второй этаж лестница вела прямо из холла. На остальные этажи лучше подниматься одним из двух лифтов или по боковой лестнице. Здесь же, в этом крыле, располагался в двух комнатах небольшой магазин, торгующий оптом и в розницу чем попало: от зажигалок и презервативов до паюсной икры. Но магазин открывается на час позже предстоящего события. Он не мешает. В самом конце коридора, под торцевым окном, деревянным заборчиком отгородилась «будка» сапожника. Рядом с ней выход на боковую лестницу. Здесь же, перед лестницей – мужской туалет.

Толстяк даже в буфет и в туалет ходит с охранником. Это проверено. На этом и засыпался первый киллер. Тогда он ждал возле буфета, расположенного на четвертом этаже. Возможно, в первый раз охрана захотела вместе с шефом выпить по чашке кофе. Тогда еще не было усиленных мер безопасности. Но после довольно дерзкого и не во всем продуманного покушения – дилетантского, по мнению Дым Дымыча, – необходимые меры были приняты. Второе покушение было совершено в кафе. Но тогда охрана заметила старую «жучку», долгое

время колесившую по городу вслед за серебристым «Лексусом». И стреляла на опережение. Третий случай вообще из разряда курьезных. Толстяк любил курить, высунувшись в открытое окно кухни в своей квартире. Окно часто было открыто. Дождавшись, когда Толстяк покурит, киллер бросил гранату в раскрытое окно. Но Толстяк – фартовый, сволочь! – почему-то вдруг решил еще раз выглянуть в окно, и граната попала ему прямо в лоб и отскочила в кусты под окном. Киллера разорвало на куски. Толстяк отделался шишкой. С тех пор окна в квартире не открываются, а стекла обклеены пуленепробиваемой пленкой.

Вообще-то Сохатый не любил работать в рамках какого-то срока. Но в этот раз он запросил лишнюю тысячу баксов именно из-за определенного количества дней, отведенных на исполнение заказа. Очень малого количества. Приходилось торопиться. А торопливость до добра не доводит. Конечно, он понимал, что срок взят не с потолка. Кто-то, как удалось узнать, должен приехать из Германии для подписания контракта. И этот контракт не должен быть подписан.

Рядом с офисом «Альто» – вход с галереи над холлом – комната вооруженной охраны финансово-строительной компании «Эко». Там целая куча ребят с помповыми ружьями и пистолетами. Постоянно курят на лестничной площадке. Могут помешать. Тогда придется их убрать. Если взялся работать в своем городе, то никто не должен тебя видеть и потом случайно узнать на улице. И так жертв намечается три вместо одной. Ну, охранник, это ясно. У него судьба такая, сам выбрал. Но сапожник... Окно в его перегородке находится прямо против того места, где все и должно произойти. Этого парня жалко. И так несчастный. С сапожником Дым Дымыч разговаривал вчера. Принес в ремонт свои старые башмаки. Парень тоже носит тельняшку. И одна нога у него протезная. Не удержался Сохатый – кивнул на ногу, спросил:

– Афган?

– Не-а. Это я еще в детстве под трамвай угодил.

– Бывает...

Раньше Дым Дымыч думал, что никогда не сможет стрелять в того, кто прошел Афган. Особенно, если в одни с ним годы воевал. Но однажды, когда отрывался после выполнения заказа, пришлось вступить в перестрелку с охраной. Парни попались упорные. Не хотели уйти с «хвоста». Пришлось не убегать, а спрятаться за углом здания и просто пристрелить всех троих. И только потом с горечью узнал, что «гнали» его бывшие солдаты-афганцы.

Переживал случившееся долго и болезненно. Мучили воспоминания. Но зато сейчас он знает твердо, что принадлежность к воинскому братству вызовет у него жалость, однако не остановит. Он уже перешагнул однажды эту черту. И теперь сумеет перешагнуть ее в любой момент по мере необходимости. Это – профессионализм.

Сапожник обречен точно так же, как и охранник. Будет два охранника, это дела не изменит. А выйдет в коридор кто посторонний – тоже. Свидетелей остаться не должно. Дым Дымыч давно вызубрил эту немудреную истину. Накрепко!

Глава 2

1

Этот звонок оторвал Николая Сергеевича от не столько трудного, сколько нудного допроса. Какой по счету это был допрос, он, по правде говоря, и забыл уже. Первоначально дело о стрельбе на станции техобслуживания автомобилей вел вообще не он. Вроде бы все там было ясно. Задержаны парни с личным. И пострадавшие задержаны с оружием. Отстреливались. У двух из трех лицензии охранников, хотя они, по сути, являются владельцами. Разрешение на оружие оформлено. У третьего разрешения нет. Хранил для самозащиты. Только его и удалось привлечь из всей троицы. За хранение и применение. Ствол проверили – «чистый». Один из нападавших убит, двое ранены. Но все из пистолетов охранников. Не придерешься.

Началась раскрутка по горячему следу. С потерпевшей стороной разобрались быстро. Наехали на них. Да и с нападавшими дело пошло без проволочек. Вину признали чуть не с разбега. Дело ушло в суд. А на суде обвиняемые резко «пошли в отказ». Они случайно, дескать, оказались рядом. Стреляли в других, попали в них. Менты их забрали. Отпечатки пальцев на оружии? Да просто менты сунули на первом же допросе в руку. Посмотри, дескать, не узнаешь? Ни смотреть, ни в руки брать не хотел. Как огрели сзади по затылку – делай, что тебе говорят! Вот и смотрел. Оттого и отпечатки. А потом в карман патроны насыпали. Доставай, говорят, по одному и считай. И снова по затылку. Резко, сволочи, бьют. Запросто сотрясение мозга сделают. Акт экспертизы, скорее всего, задним числом подписывали. Разве ж эксперты сознаются в своем нарушении. Им тоже работа дорога.

Адвокаты поработали с парнями плотно. Это чувствовалось. Но, похоже, этим делом занимались не только адвокаты. Владельцы станции вдруг перестали на суде узнавать обвиняемых. Может, те, а может – нет. Те вроде помоложе были.

Судью в такой ситуации понять можно. Женщина больная, с трудом носит свои полтора центнера веса. У судьи тоже есть семья, и сын в школу ходит без охраны. Вернула дело на следствие. И вот тогда подключили Оленина. Доследуй! А что тут доследовать? Время уже ушло, и сейчас можно только во время допроса поймать на каком-то противоречии – а это все равно что паровозный гудок догонять. И он уже две недели догоняет его каждый день. Морды наглые видеть не может. Тошнит от гадких ухмылочек. Так и хочется вмазать пару раз. Кулак у Оленина достаточно тяжелый, а удар поставленный, чтобы накрепко отучить улыбаться. Но этого, к сожалению, делать нельзя. У стены постоянно, словно прописался здесь, сидит адвокат, который всю кашу и заварил, и контролирует каждый жест, каждое слово. Адвокату тоже хочется, чтобы следак кулаком хоть раз ударил. Хотя бы по столу... Тогда смело можно было бы закрывать дело.

Во время очередного такого бестолкового допроса и позвонили. Не вовремя и не по настроению.

Слава Максимов, старший опер из горотдела, присутствующий почти на каждом допросе, взял трубку.

– Он сейчас подойти не может. У него допрос. Попозже позвоните. Нет-нет. Никак не может оторваться. Подождите. Сейчас спрошу...

Словно взглянул на Оленина вопросительно.

– Кто? – резко и угрюмо спросил Николай Сергеевич, злясь уже не только на подозреваемых, но и на весь белый свет, который начал казаться черным.

– Какой-то Седой или Седов...

– Понял. Давай.

Седой – это кличка одного из самых талантливых стукачей за всю историю областной прокуратуры. Ценнейший кадр, который знает все, что в городе творится и даже вокруг него. И во всех слоях общества, от бичей до областной администрации. Мужик со своей информацией на любых выборах мог бы многомиллионный капитал составить, а он питается мелкими ментовскими подачками.

– Оленин. Слушаю, – гаркнул Николай Сергеевич в трубку. – Здравствуй. Понятно. Конечно же. Интересно... Повтори, слышно плохо. Ты уверен? Спасибо. А второй? Да, про этого я слышал. Еще раз спасибо. Счастливо, – и записал что-то на листочке бумаги.

Положив трубку, Оленин встал, как телеграфный столб, и напряженно замер.

Через минуту он обвел кабинет непонимающим взглядом, посмотрел на Максимова, подозреваемого, словно впервые их видел, потом выглянул в окно.

– Заканчивай ты, Слава, мне сообщение интересное поступило, надо подумать, – неожиданно сказал он оперу и вышел в коридор.

Максимов, стоящий до этого за спиной подозреваемого, выдвинулся на середину комнаты. По привычке замечать детали, взглянул на стол следователя, где еще остался лежать листок бумаги с последней записью. На листке было записано два имени, вернее, две клички – «Сохатый» и «Хавьер».

Вторая кличка многое говорила. Даже слишком многое. Первую не слышал. Опер перевернул листок, прокашлялся, чувствуя себя не совсем удобно из-за странного поведения старшего следователя, и, передвинув протокол допроса поближе к себе, прочитал последнюю занесенную фразу и сказал подозреваемому:

– Прочитай и подпиши каждую страницу.

Подозреваемый читал и, ухмыляясь, подписывал, потом передавал листки протокола адвокату. Адвокат читал более внимательно, проверяя правильность записей. То, что он читал уже после подписи подследственного, говорило об откровенной игре на время – кто кого пересядет. И обе стороны это прекрасно знали.

После подписания всего протокола Максимов выглянул в коридор. Требовалась подпись Оленина. Старший следователь стоял у торцевого окна здания, заложив руки за спину, и смотрел за стекло, словно увидел там что-то очень интересное.

– Николай Сергеевич! – позвал Слава.

Оленин обернулся и быстро направился к кабинету.

2

Максимов ушел.

Он, естественно, пытался расспросить следователя – что случилось? Любопытство любопытством, но не до назойливости же... Назойливость сразу вызывает недоверие. Знал Максимов, что не тот человек Николай Сергеевич, чтобы из-за пустяка так разволноваться. А волнение было заметно. И, конечно, не получил ответа. После ухода опера Оленин стакан за стаканом выпил почти полностью графин воды. Но подступившая к языку сухость от обильного возлияния не прошла. Вода с языка испарялась, как с раскаленной сковороды. Пар только что изо рта не шел.

Седой, к сожалению, практически никогда не давал ложной информации. Это Оленин знал хорошо. А нынешняя информация – очень важная – больно ударила по нервам. Очень уж она была неожиданной, очень уж она задевала Колю Оленина лично.

Он отлично знал, кто такой Хавьер – авторитетный уголовник. Очень жесткий человек, несговорчивый. Некоторое время контролировал сеть полулегальных публичных домов, но ему это быстро надоело. Куражу нет. Он не получал удовольствия от такого халявного зарабатыва-

ния больших денег. Чем Хавьер занимался в последние годы – неизвестно. С трудом верилось, что этот человек пенсионного возраста ушел все-таки на покой. Такие не уходят...

И вот сообщение Седого. В четвертый раз за год заказали Толстяка. Заказали через Хавьера. У того есть киллер высокой квалификации по кличке Сохатый. Согласно слухам, Сохатый хорошо погулял по городам России в последние несколько лет. Все заказы на исполнение принимает только Хавьер. Самого Сохатого никто из заказчиков не видел и не знает. В своем городе раньше не работал. Интересно, что толкнуло его на это теперь? Спортивный интерес? Профессиональная гордость? Трое не смогли, а он сможет? Или деньги уж очень хорошие? Да, за четвертое покушение должны платить по повышенному тарифу.

Оленин знал в городе только одного человека по кличке Сохатый. Он проходит по картотеке Российского УВД как амнистированный в конце восьмидесят восьмого года. Бывший старший лейтенант спецназа ГРУ Дмитрий Дмитриевич Лосев. Он же – Дым Дымыч, бывший командир взвода отдельной роты в Афганистане. Того самого взвода, где командиром отделения разведчиков закончил службу старший сержант Николай Оленин.

Если это тот Сохатый – хреново дело! Старший друг, учитель и командир.

За последние годы они встречались только однажды. Посидели в кафе, поговорили, выпили. И тихо разошлись. Не было у них той точки соприкосновения, которая могла бы сделать таких разнокалиберных людей друзьями в сегодняшней обстановке. Хотя внутренне их скрепляло чувство большее, чем простая дружба крепких физически и характером мужиков, – чувство причастности к братству афганцев. Но это чувство больше проявляется в экстремале, когда кровь готова в голове закипеть. Тогда вспоминаешь... В обыденности же один делает карьеру, а на карьере другого стоит давно уже жирный крест, похожий на тюремную решетку. И один мешает другому. Все очень просто, впрочем, как и всегда в этой жизни.

Виноват в таком положении вещей, конечно же, сам Оленин. По долгу службы ему приходилось встречаться с людьми самыми разными. Николай Сергеевич карьеру делал головокружительную. О нем уже начали говорить в высших сферах. «Вечный двигатель» в образе жены не давал остановиться ни на минуту. И этот «вечный двигатель» жестко потребовал – подумай, что будут о тебе говорить, если узнают, что дружишь с уголовником. Какое отношение будет на работе, у начальства?

Этот разговор произошел накануне встречи Оленина с Лосевым. И во время разговора с бывшим командиром слова жены постукивали в голове самозаводным часовым механизмом. Потому, должно быть, и не получилась беседа, не нашлось достаточно теплых слов, которые невидимо скрепили бы их, как это было там, в Афгане. И ни одному, ни другому не захотелось встретиться вновь.

3

Обедать Николай Сергеевич Оленин обычно ездил домой. Он любил свой дом, любил свою жену, которая ко времени его приезда, как правило, появлялась сама.

Татьяна умела удачно совмещать свой бизнес – ее фирма вела в городе большие строительные работы – с ведением домашнего хозяйства. У Татьяны Олениной были широкие связи во властных структурах еще с советских времен. А чиновники везде остались прежние, с прежними замашками и запросами. С ними ладить глава фирмы умела. Иначе было просто не выжить. Все ответственные городские и областные властные и околоставные люди, депутаты разных мастей желали иметь квартиры не хуже, чем у Олениных – шесть больших комнат в два этажа. Ну, естественно, кому-то по рангу хватало и трех комнат. У каждого свой вес в обществе. Они помогали Татьяне, Татьяна по мере возможности помогала им. Такой рэкет был взаимовыгодным и не носил потный запах беспредела. А от рэкета уголовного фирму прикры-

вал сам Оленин. Ему это было нетрудно – помог пару раз решить проблемы Совету ветеранов войны в Афганистане, в который он входил в качестве сопредседателя областного отделения.

Четыре комнаты квартиры были на третьем этаже, еще две на четвертом. Вход возможен с каждого, но верхней дверью пользовался только десятилетний сын, который, по сути дела, занимал один две верхние комнаты.

Татьяна была уже дома. Открыв дверь своим ключом, Николай Сергеевич почувствовал с кухни дразнящие запахи жареного мяса.

– Коля, ты? – крикнула жена, не отходя от плиты.

– Нет, это не я, – хмуро ответил Оленин, разулся и, не заглянув даже на кухню, прошел по толстому вьетнамскому ковру к себе в кабинет. Обычно он всегда сначала подходил к жене и она традиционно подставляла щеку для поцелуя.

Николай Сергеевич искал старую записную книжку, где когда-то был домашний адрес Лосева. Вообще Оленин всегда отличался особой аккуратностью и даже некоторой педантичностью. Старые вещи, в которых могла со временем возникнуть надобность, он не выбрасывал и обычно хорошо знал, где и что у него лежит. Но сейчас эта проклятая книжка не находилась.

Татьяна заглянула в дверь, опершись только о косяк плечом. Взгляд недовольный и вопросительный, смотрит как учительница на нашкодившего ученика. Николай Сергеевич говорить ничего не стал, продолжая резко выдвигать ящики письменного стола и секретера, ворча себе под нос. Эта его привычка ворчать всегда сильно раздражала Татьяну.

– Что-нибудь случилось? – спросила она наконец. – Может, помочь?

– Ты не видела зеленую записную книжку?

– Какую еще зеленую?

– Старая. Была у меня несколько лет назад... С глянцевым переплетом. Рисунок стертый. Там адрес очень нужный, не могу найти...

Татьяна недовольно пожала плечами. Ей не нравилось, когда муж проявлял характер. Хозяйничать в доме и повышать голос ей хотелось только одной.

– Я разве когда-нибудь интересуюсь твоими бумагами? Я такую даже не помню.

И торопливо ушла на кухню, где что-то зашипело на плите. Шаги ее толстый коридорный ковер глушил полностью.

Книжка не нашлась. А сам адрес Оленин элементарно забыл. Помнил только район и приблизительно улицу. Он был в этой квартире лишь однажды. На следующий день по возвращении из Афгана. Навестил мать Сохатого и оставил у нее фигурку из желтоватой слоновой кости – единственную вещь командира, которую не успели забрать офицеры военной прокуратуры. Небольшая, сантиметров двадцать в высоту фигурка изображала танцующую обнаженную женщину. Изделие явно не афганское. Ислам запрещает изображать животных и людей. Да и поза танца говорила, что сделано это в Индии. Память. Командир любил сидеть вечерами и рассматривать танцовщицу. Пальцем гладил ее. Но об этом Оленин не рассказывал матери. Он почти не разговаривал с ней, потому что не мог найти слов для объяснения ситуации. Да и сам ее толком объяснить не мог – даже себе. Мать, старая больная женщина, конечно, спрашивала. А он стеснялся случившегося и потому ушел торопливо. Сам Лосев в то время находился в ташкентском СИЗО. Ждал суда.

Это было двенадцать лет назад. Если бы он хоть раз за последние годы навестил командира, то смог бы сейчас найти дом. Все-таки память у бывшего разведчика хорошая, профессиональная. Но не довелось в гости сходить. Это было неприятно, потому что разыскивать по прокурорским каналам, обращать на себя чье-то внимание и связывать свое имя с именем Сохатого он пока, до конкретного выяснения, не хотел из осторожности. Случайностей бывает много. И любое нечаянно произнесенное слово, фамилия, прозвучавшая из его уст, может Оленину повредить. Завистников хватает и без того, и каждый надеется вовремя ногу подставить. Слишком быстро продвигается он по службе, чтобы не иметь врагов.

Сохатый...

Через пару лет после освобождения Лосева, когда они встретились в кафе, Николай Сергеевич не взял у командира адрес, сказал, что у него есть. Сам же он тогда жил в другой квартире. Может быть, он тот адрес и говорил, сейчас не помнит. Но командир в гости не заходил. И не звонил даже...

Глава 3

1

Холодный ветер шел из Китая. Северо-восточный затяжной и нудный «калсай», как называют его местные киргизы, живущие в Таджикистане. Непосвященному это казалось даже странным. Северо-восточный, и вдруг из Китая. Казалось, что там, на северо-востоке, за Киргизстаном и Казахстаном лежит Россия. Но так думается, когда не знаешь всей извилистости границы в горах Памира. В Китае, в краю, заселенном уйгурами, ветер проносился над очень пыльным хребтом Майдантаг, перепрыгивал через перевалы, петлял, без визы пересекал границу. Потом, набираясь холода, идущего с вершин Заалийского хребта, сворачивал на высокий, но более равнинный Восточный Памир.

Шлагбаум на посту Каракуль стучал под порывами ветра о боковую стойку и действовал этим стуком на нервы. Старший прапорщик Заремба только что закончил телефонный разговор с начальником Мургабского погранотряда, сложил и спрятал на грудь, под теплый бушлат, миниатюрную трубку спутникового телефона. Он сам себе нравился, когда по этому телефону разговаривал.

– Они едут. Готовься, – только и сообщил полковник. – Смотри, надеюсь на твои артистические способности. Не подведи... Как жена?

– Не звонила еще.

– Ладно. Держись.

– Есть, товарищ полковник.

За три месяца обладания этой трубкой – только третий разговор. Однажды жена захотела вдруг позвонить подруге в Ош. Решила, понимаешь, что это компенсация за неудобства горной приграничной жизни. Петро чуть не задохнулся от возмущения. Ногами затопал.

– Не смей руками трогать... Это... Это... – он даже не смог объяснить, что же такое эта трубка и для чего она предназначена. Ни к чему жене знать, не женское это дело...

– Что орешь, как конопли объелся... – сказала она, но ему показалось, что этот голос слышит весь наличный состав комендантского городка. Голосом бог Гану не обидел.

– Сама ты конопля, – после окрика Ганы Петро атаковал уже более вяло. Но сказал почти правду – внешне жена сильно напоминала индийскую коноплю. Тощая и высокая, волосы торчат в разные стороны, сколько она ни пытается их причесать.

– А ты... Посмотри на себя, на себя посмотри – натуральный взбесившийся як. От тебя же бежать подальше надо... – не осталась она в долгу, и сама, как як, надулась, готовая к продолжению. Но бежать, похоже, не собиралась.

Он не нашелся что ответить. Да и, по правде говоря, не рискнул. Знал, что жена легко становится яком. Только жители Памира да горные шерпы знают, что представляет собой взбесившееся животное, которое и водится-то только на Памире да в Гималаях. А для того, чтобы его раззадорить, ума много не надо. Лохматые ноги расставляются широко, глаза наливаются кровью, изо рта ползет пузырящаяся от неровного дыхания пена. Страшные острые рога опущены вниз, на противника – минута-другая, и он ринется в атаку.

Куда там испытанным испанским матадорам до ячьих пастухов. Ни один матадор с таким быстрым и ловким быком не справится.

Лет пятнадцать назад, когда прапорщик Петро Заремба только начинал свою службу в Мургабском погранотряде, здесь произошел такой случай. Пятерых старых яков погрузили в «ЗИЛ-130» – другие машины по местным дорогам почти не ходят, задыхаются на перевалах

от кислородного голодания, а у «сто тридцатого» под капот ставится специальное приспособление, которое вдувает кислород в карбюратор. Потому и «дышат». Животных отправили на мургабский мясокомбинат. Машину оборудовали, как полагается, дощатыми стойками, наращивающими борта. Но любое животное – корова или лошадь – умеет предвидеть приближение смерти. А особенно такое животное, которое живет почти дико, пасется в горах и признает только своих пастухов, не подпуская к себе посторонних людей и даже бросаясь порой на них. Повезли. Прямо на ходу один из быков умудрился перепрыгнуть ограждение борта. Водитель заметил недостачу только на следующей остановке, когда захотел в чайхане попить чаю с мягкой, как сливочное масло, халвой. Там всегда была хорошая халва.

Заметил, но не растерялся. Обратился на всякий случай к пограничникам. Наряд яка нашел. В те времена пограничники еще знали каждый участок приграничной зоны наизусть, и знали, что и где происходит.

Но как его нашли!..

Бык сломал ногу при падении. И на трех ногах уходил в горы, к лугам, не понимая, что подходит время снега и ему там делать просто нечего. Но ему и не удалось уйти далеко. В пути он, должно быть, почуял запах волков. И двинулся к реке. На берегу его и настигли хищники. По сезону волкам только-только подошло время собираться в стаи, и они еще не совсем скоординировали свои действия. Потому, возможно, и не сумели сразу справиться с инвалидом-быком. Двоих он заporол, спустился в быструю реку и там, стоя на трех сильных ногах, ждал нападения. Вода наполовину скрыла его приземистый корпус. Ростом як невысок. Но все же выше волков. Пытавшихся до него добраться диких охотников сносило течением. А як стоял. Четверка оставшихся хищников решила взять его измором. Они уселись на берегу и ждали. Подоспевшие пограничники рассказывали потом, как нашли на берегу целые лепешки замерзших слюней. Дичи на Памире не много. Архаров и кииков не очень-то достанешь в скалах, с которых те при опасности просто прыгают, приземляясь на рога. Безрогим волкам так не дано. Волки страдали от голода, живое мясо было перед ними. Но дотянуться до него возможности не было. Автоматные очереди волчьих страдания прекратили. Двух убили, другая пара сумела убежать. Но самое интересное было потом. Волков як боялся. Волки боялись людей. А люди боялись яка. При виде бегства волков як выскочил на берег. И бросился на пограничников. Они еле-еле успели спрятаться за россыпью высоких валунов.

– Товарищ старший прапорщик, – подошел стоящий у шлагбаума младший сержант. – Что-то важное сообщили?

Узрел-таки, что прапорщик по спутниковому телефону разговаривает. Молодец пограничник!

– С погранотряда звонили. Начинается операция, суть которой тебе знать не следует. И потому, как только подойдет нужная машина, ты отправляйся в комендатуру обедать. Мы с ефрейтором вдвоем лучше справимся. Он у нас туповатый. Понятно?

– Понял...

Младший сержант ничего не понял, да ему и понимать не надо было. Более того, ему не надо было этого видеть. И он не хотел вникать ни в какие посторонние передраги. Готовился домой. Свою задачу на посту он уже выполнил. Прошедшей зимой младший сержант дождался хорошего льда на озере Каракуль – по имени которого и называется пост. И сходил на кладбище архаров. Озеро видно и от шлагбаума. Суровая водная гладь. Вода даже летом чуть выше нуля градусов. Недалеко от берега находится голый каменистый остров – загадка природы. Со всего Восточного Памира на этот остров приходят по зимнему льду старые архары умирать. Даже те, которые никогда близко от озера не были. Именно сюда. И никто не может сказать, почему они это делают. Почему выбрали именно этот остров. Кто-то говорит о повышенном на острове радиационном фоне, кто-то рассказывает тысячелетней давности сказки и легенды,

но точно не знают даже ученые из Академии наук, которые несколько раз сюда приезжали. Как раз странным кладбищем и интересовались.

Если лед выдается хороший, солдаты бегают на остров. Кому не хочется привезти домой в качестве трофея череп и рога, каждый из которых у основания не обхватишь двумя ладонями. На всю жизнь память о Памире. Солдаты в Мургабский погранотряд набираются в основном с Урала. Вот этот младший сержант из Златоуста. У них там горы не такого калибра. Там такой живности нет. Сам Петро Заремба с Карпат, с берегов Тиссы. У них тоже архары не водятся. И он себе давно припас такой же сувенир – на стене в комнате висит, полкомнаты занимает. Через полгода срок контракта кончается. Уедет. Память останется.

Вдали показалась машина. Одна. А должно их быть две. Странно. Заремба поднял к глазам бинокль, долго подстраивал его под свою дальность и рассмотрел номер. Нет. Это пока еще не те. Это мургабская машина. Наверное, в Ош направилась. Местные все под прищелком. Они наркоте не возят. Да здесь и живут почти одни киргизы, хотя территориально это и территория Горно-Бадахшанской области Таджикистана. А с наркотой работают таджики из Хорога. Это потом они с ошскими киргизами встречаются и действуют через них. Ошские, конечно, большие деньги зашибают. Но и хорогские таджики тоже могут себя прокормить. Они в основном возят понемногу. Большие партии, конечно, тоже попадают. Но сегодняшний случай поражает своей грандиозностью. По ценам московского рынка стоимость груза, который должен проследовать через пограничный пост Каракуль, – пятнадцать миллионов долларов. Сто килограммов героина...

Подожли младший сержант с ефрейтором.

– Так я пошел? – спросил младший сержант.

– Подожди еще. Это не те. Скоро и нужные появятся. Две машины должно быть.

– А мне что делать? – спросил ефрейтор.

– Глаза раскрыть пошире. – Заремба знал за ефрейтором пристрастие ко сну даже на ходу. – Подъедут. Ты будешь досматривать первую машину. Я вторую. В первой ничего быть не должно. Но не исключено, что водила на свой страх и риск что-то везет. Тогда действуй по инструкции.

– А во второй что будет?

– Тоже ничего не будет.

– Тогда зачем...

– Смеха ради... – И Заремба раскатисто и тонко, что не очень вязалось с его массивной фигурой, захохотал. Веселый он человек.

Ефрейтор пожал плечами и, прислонившись к косяку, закрыл глаза.

2

Три месяца назад старшего прапорщика Зарембу неожиданно вызвали в Мургаб, в погранотряд. Прямо к командиру. Срочно вызвали, с дежурства на КПП сняли, что бывает только при чрезвычайных обстоятельствах. Заремба недоумевал. Непорядка в его службе не было. За это он мог голову положить.

Начальник отряда, полковник с настоящей армейской фамилией – Бомбодуров – встретил его радушно. Он вообще-то, несмотря на фамилию, мало походил на человека военного. Приветливый и всегда веселый. Разговариваешь с полковником, и кажется, что с гражданским беседуешь. Даже обидно, что не может он на тебя прикрикнуть, как другие старшие офицеры.

– Собирайся, Заремба, в отпуск. Я твой рапорт сегодня подписываю.

– Какой рапорт, товарищ полковник? – встречно улыбнулся на улыбку командира и старший прапорщик. Все-таки у старшего прапорщика три звездочки на погоне, у командира тоже три – почти ровня. – Я никакого рапорта не писал.

– Ничего, ничего, – успокоил командир, – не расстраивайся. Сейчас напишешь.

– Мне служить осталось совсем немного. Я бы лучше компенсацию за отпуск получил...

– И это тоже ничего... – Бомбодуров пододвинул старшему прапорщику поближе чистый лист бумаги и ручку. – Пиши.

Заремба растерялся.

– Пиши рапорт с просьбой предоставить тебе очередной отпуск.

Петро глянул в глаза полковнику и увидел, что они очень серьезные на улыбающемся лице. И понял, что здесь шуткой или недоразумением не пахнет.

– Жена у меня шуметь будет. У нее же учебный год в разгаре.

Гана в школе преподавала математику.

– Пиши. Без жены отдыхать поедешь.

– Понятно...

Полковник был хитрый. А Зарембе, хохлу, по национальности положено было быть хитрее. И он понял, что от него требуется. И тут же написал рапорт по всей форме. Начальник отряда прочитал его и подписал. После этого вызвал по телефону служащую из канцелярии – Петро никак не мог запомнить ее сложное азиатское имя – и передал бумагу.

– Подготовьте приказ. С понедельника, как полагается. И финчасть предупредите, чтобы расчет подготовили. Без проволочек.

Обычно проволочки были немалые. С деньгами в погранотряде всегда проблема. Касса, как правило, была всегда пустой.

Через несколько минут в кабинет без стука вошел полковник Ставров, начальник разведотдела погранотряда. И тогда вот начался большой и долгий инструктаж – с кем встретиться, как себя вести, о чем разговаривать.

– Товарищ полковник, – Заремба подтянул живот, почему-то вдруг очень захотелось выслушать похвалу своим служебным качествам. – Разрешите вопрос?

– Валяй.

– А почему именно меня выбрали для такого серьезного дела? – он даже сидя за столом попытался принять стойку «смирно».

Ставров минуту помолчал, сомневаясь – говорить или не говорить, но решил все-таки сказать.

– Это не мы тебя выбрали. Это они сами. Нам об этом только донесли.

– Кто?

– Агентурные сведения. И даже не наши, а через Интерпол. Так что, Заремба, теперь тебя даже в Интерполе знают.

– А эти-то почему меня выбрали?

– Ну, должно быть, показался ты им самым подходящим. На лицо добродушный. Или еще что? Подумали, что на тебя надавить можно... Или подкупить... Кто их поймет... Наверное, им тебя порекомендовали. Из действительно знающих. Так что о нашем разговоре никто в отряде не должен знать. Понимаешь?

– У нас кто-то здесь «сидит»?

– Возможно.

– Понятно...

Дома Гана встретила сообщение об отпуске благоверного так, что внешне моментально трансформировалась в чертежный циркуль. Петро для острастки цыкнул на нее. И Гану, как всегда, понесло. Прошлась по поводу внешности самого старшего прапорщика, его братьев и его отца, чуть-чуть упомянула деда. Чем-то ее не устроили их фамильные носы картошкой. Не забыла и прочих дальних и ближних родственников, вспомнила и свои немалые возможности

«выйти за нормального хлопца». И чего только не наговорила. А рассказать ей все откровенно нельзя. Можно только намекнуть.

– Через неделю вернусь... – сказал он, и Гана испуганно замолчала. Поняла, что в этом деле не все на ладони увидеть можно.

– Как – через неделю?

Жена внимательно посмотрела на него.

– Обыкновенно. Самолетом до Оша, а потом попутной машиной сюда.

– Да кто ж тебя из дома через неделю отпустит?

Она и не подозревала, что он вовсе не собирается ехать в Закарпатье.

– А я туда и не поеду.

– Куда ж ты надумал?

– Контракт кончается. Хочу новое место присмотреть. Надо же как-то устраиваться.

– Куда?

– Пока в Челябинск съезжу. У них там новый погранотряд. Граница с Казахстаном. Спокойно. А когда новый отряд, всегда устроиться можно неплохо. Сама понимать должна. И, говорят, квартиры дают...

– Наду-у-умал... – последнее слово Гана растянула в долгий звук и произнесла окончание уже сама в раздумье. Факт о квартирах, которые якобы дают, не мог оставить ее равнодушной. Нажилась в съемных халупах и в общежитиях. Сыта таким жильем.

Через минуту уже последовал новый инструктаж, не менее подробный, чем давал начальник разведки, – что надо спрашивать, с кем встречаться, как себя вести, что говорить следует и чего ни в коем случае говорить нельзя.

– Понятно... – любимым словом Петро остановил словоизлияния жены. Ее это слово всегда нервировало, и он, если Гана уж очень сильно доставала, применял его вместо щита.

– Только ты там это... Того... Без своих фокусов...

Поездка в Челябинск, где организован новый погранотряд, – это была официальная версия для его отпуска. И потому Заремба даже получил от полковника Ставрова небольшой список – с кем встретиться и о чем поговорить. В первой колонке люди, которые решают вопросы поступления на новую службу, и отдельно – во второй колонке – всего две фамилии. Офицеры разведотдела, с которыми предстоит встретиться. Эти офицеры будут осуществлять помощь, а если понадобится, то обеспечат и необходимое прикрытие. Все-таки не на встречу с любимой девушкой едет Заремба.

3

Приехал он, естественно, в гражданской одежде – отпускник. В Челябинске дело сначала тормознулось – никто не знал, где обосновалось управление федеральной пограничной службы. Даже милиционеры. Еле-еле нашел. Сначала, как и было оговорено, начал узнавать по поводу возможности продления контракта с переводом с Памира на Урал. Расспрашивал дотошно, надоедливо, в мелочах. Совмещал необходимое с полезным. И только к концу рабочего дня вспомнил о делах и постучал в один из кабинетов, где его должны были ждать.

Вообще-то там его не слишком и ждали. Уже домой собрались уходить, а тут он. Но все же позвонили кому-то и направили его в гостиницу «Малахит». Объяснили, как гостиницу найти.

– Вот там вас действительно очень ждут. Пятый этаж. Фармакологическая фирма «Эй-Джи-Эль лимитед». Гагарин Виктор Юрьевич. Запомнили?

– Запомнил. Это не сын случайно?..

– Нет. У Юрия Алексеевича были только дочери.

– А жаль... – наивно вздохнул Заремба.

– Чего жаль?

– Жаль, говорю, что не сын. Интересно было бы... А кто он такой? Насколько я могу быть с ним откровенным? Это наш? – Он продолжал задавать простейшие вопросы с видом провинциального дурачка. Даже рот при этом для эффектации не закрывал. Офицеры переглянулись. А Петро про себя посмеивался. Он многих вводил в заблуждение такой манерой поведения. Простой, как три рубля, наивный – что от эдакого лоха ждать. И только те, кто много лет с ним прослужил, знают, что такое на самом деле старший прапорщик Заремба.

– Гагарин... Этот человек представляет в нашем регионе Интерпол. Знаете, что это за организация? Слышали хотя бы о ней? Или следует предварительно рассказать? – в голосе говорившего офицера два ведра издевки и пренебрежения – на взвод новобранцев хватит.

– Ух ты... Русский? В Интерполе?

– Он бывший офицер. Поспешите, а то рабочий день кончается.

– Понятно...

Зарембу, похоже, откровенно выпроваживали – уже надоел и изрядно разочаровал разведчиков. Не понимают они многих тонкостей поведения...

Он пошел, посмеиваясь в душе над проницательностью офицеров. Ничего, и таких «делали»...

Петро Заремба знал, что Челябинск считается столицей Южного Урала. А Южный Урал – это не Северо-Восточный Памир. От одного слова «юг» должно, кажется, быть жарко. Потому Петро и понадеялся на добрую погоду. Но хотя по календарю значилась середина мая, тепло сюда, похоже, не пришло. В цивильном костюме было элементарно холодно. Потому до гостиницы старший прапорщик добрался пешком за пять минут – торопился, чтобы совсем не продрогнуть, и энергично размахивал своим маленьким чемоданчиком.

Лифт поднял его на пятый этаж. Длинный коридор. Петро присматривался к табличкам на дверях, удивляясь с наивностью застенелого памирца – вроде бы и гостиница, а вроде бы и нет. Если гостиница, то где живут постояльцы и почему здесь на каждой двери таблички с названием каких-то фирм? А если это учреждение – то почему на здании так красиво написано, что это гостиница?

Нужная дверь нашлась. Хорошая, красивая дверь. Зарембе понравилась. Он бы и дома такую себе не отказался поставить, но прикинул стоимость и решил, что проще будет обойтись стандартной.хлопот меньше. И охрану выставлять не надо – чтобы дверь не украли.

В приемной за столом сидела симпатичная секретарша. В кресле развалился, забросив ногу на ногу, какой-то очень большой и длинноволосый человек. Настолько большой, что кресло, казалось, выдерживает его с трудом.

– Здравствуйте, – Петро галантно склонил перед секретаршей голову. «Ничего себе штучка!»

– Здравствуйте, – ответила она и посмотрела на него вопросительно.

Большой человек поднялся с кресла и шагнул навстречу, всматриваясь в черное от горного памирского загара лицо пришедшего. Он, похоже, знал цвет этого загара. Не шоколадный морской, а именно черный, как в Афгане.

– Мне нужен Виктор Юрьевич Гагарин.

– Прошу, – большой человек распахнул вторую шикарную дверь – в кабинет, и жестом пригласил пройти.

Заремба таких кабинетов сроду и не видел. Даже рот захотелось открыть прямо на пороге. Правда, желание это было чуть демонстративным. Но большой человек мягко пододвинул его вперед и сам прошел за стол.

– Гагарин – это я.

– Понятно... – сказал Заремба, выдвигая себе стул из-за длинного стола для заседаний. – А я...

– Я знаю. Вы очень похожи на своего брата.

- На которого?
- На старшего. На Василя.
- Вы его знаете?
- Мы вместе в Афгане воевали.
- Вот это да! Я обязательно напишу ему.
- Привет передайте. От Доктора Смерть.
- От кого?
- Это меня так в Афгане звали. Доктор Смерть.
- Понятно...

Доктор открыл бар, до которого привычно дотянулся длиннющей и тяжелой рукой, достал пузатые фужеры и налил какой-то импортный коньяк. Пододвинул один фужер Зарембе.

- За знакомство.
- Ага...
- Заремба выпил.
- Хороша горилка!
- Это не горилка. Это французский коньяк.
- Я и говорю... Хороша...

Хозяин кабинета усмехнулся. Он манеру поведения прапорщика знал по донесениям. Изучил заранее человека, с которым ему предстоит проводить такую серьезную операцию, как нынешняя.

- Перейдем на «ты»?
- Перейдем.

– Так вот, Петро. Ситуация у нас с тобой сложилась такая. Из Афгана должны переправить большой груз наркоты. Сразу сто килограммов героина.

– Сто... – Заремба открыл рот уже не в притворном изумлении. – Хрен им... Не пропустим...

Доктор улыбнулся. Пусть старший прапорщик поиграет в простачка. Так даже лучше.

– Эти сто килограммов должны пройти через твой любимый пост Каракуль. Через вас пробраться трудно, они, стервецы, это знают. И стали искать человека, с которым можно было бы договориться на тот или иной манер. Искали долго...

Доктор замолчал, ожидая очередного вопроса. Но Петро молчал.

– И выбрали тебя, – первым не выдержал молчания Доктор. В хитрости ему трудно было тягаться со старшим прапорщиком, но в наличии юмора мог с хохлом и поспорить.

- Почему?
- Говорят, ты взятки берешь.

Заремба чуть не задохнулся от возмущения.

- Я? Взятки? Да шоб мне сала в жисти не пробовать... Да шоб мне...
- Успокойся. Я шучу. Ты показался им самой подходящей фигурой. На простачка похож. Заремба мгновенно успокоился. Как на тормоза нажал.
- Так это ж хорошо.
- Я тоже так думаю.
- А дальше?
- А дальше они наметили план, как с тобой поступить. И решили вскоре начать дело.
- А зачем тогда меня сюда вызвали? Я бы и на месте мог сообразить. Особенно, если бы предупредили.

- Нет. На месте ты не смог бы. Дело в том, что мне их план сильно не понравился.
- Да? И...
- Они хотели взять в заложники твою жену.

Заремба улыбнулся чуть не мечтательно.

– Вот бы друзья влипли...

– Вот этого я и боялся. Непредсказуемости или твоего поведения, или поведения твоей жены. Вы могли бы там дров наломать. А мне этого не надо. Мне надо, чтобы груз дошел до Прибалтики.

– Выяснить адресата? – спросил Заремба, показывая, что он не одним лыком шит. Сообщает.

– Адресата я и без этого знаю. Но для суда этого мало. Их суд мне не поверит. Их суды вообще все стараются шиворот-навыворот делать. Комплекс маленьких наций. По принципу: это от русских, значит – плохо. Мне надо взять людей с поличным. Тогда цепочка разорвется навсегда.

– Понятно...

– Что понятно?

– Горилки плесни.

– Это французский коньяк.

– Вот я и говорю... Плесни.

Доктор налил по-армейски, не жадничая. И не удержавшись, пошутил: – Извини уж, сала у меня нет.

– Жаль. Так что дальше?

– Дальше так. Ты где остановился?

– Пока еще нигде.

– Гостиницу я тебе устрою. Завтра. Сегодня все обговорим в подробностях. Маленькую «игру» устроим. Знаешь, что такое «игры»?

– Проба.

– Вот. Переночуешь у меня. «Горилку» допьем. У меня дома почти целая коробка. А завтра мой человек, который у них работает, подставит тебя нужным людям. Хорошо подставит. Они тебя искали, а ты сам пришел. Здесь. Познакомит. Чтобы ты вошел в цепочку. Не как случайная жертва, не как человек, у которого берут жену в заложники. А как равноправный член их дружного и сплоченного коллектива. Понял?

– Ага...

– Будешь плакать и жаловаться. Высокогорье. Не платят. А жить-то хочется. Хатку думал купить на Украине. А на какие шиши? Надоело. Решил в Челябинск перебираться. И тебя попробуют купить.

– А цена?

– Торгуйся. Ты же хитрый хохол. Не продешевь. За сколько продашься, столько и получишь.

– Получу?

– Тебя мы подставлять не будем. Ты сработаешь чисто. А их деньги – твоя зарплата за работу на нас. Гонорар. Понимаешь?

Заремба понял. Если бы сразу так вопрос поставили, он бы десять рапортов начальнику погранотряда написал и бегом бы сюда побежал. И эти сто килограммов героина, если надо, в рюкзаке на собственных плечах приволок бы. Сыт по горло Памиром и кислородным голоданием. Всю жизнь дела настоящего хотелось. Как вот это.

– А сколько просить можно? Чтобы не продешевить.

– Проси на трехкомнатную квартиру, скажем, здесь, в Челябинске.

– А если в Москве?

– Дороговато будет.

– А если попробовать?

– Ты что, уже со мной торговаться начал?

– Понятно...

– Только учти. Получается – совпадение. Тебя ищут, а ты пришел. Совпадением эти люди верят не слишком. Пятьдесят на пятьдесят. Риск есть. Могут сделать проверку. Будь осторожнее – не переиграй.

– Тогда нам нельзя было с тобой встречаться.

Доктор усмехнулся.

– Меня они не знают. Я – солидный коммерсант. Я даже за «крышу» плачу местной мафии. Интерпол платить бы не стал. В любом случае – я сослуживец твоего брата. У нас есть общие точки соприкосновения. Случайно со мной встречался год назад в Москве. Но не раньше. Раньше меня в России не было. Это они могут узнать. Ты был с братом. Брат нас и познакомил. Я тебе оставил адрес.

Так три месяца назад старший прапорщик Заремба получил от Доктора Смерть телефон спутниковой связи. Миниатюрная трубка – размером с обойму от пистолета Макарова. Раскладываешь и говоришь. Так стал он одновременно и агентом Интерпола, и своим человеком в наркомафии.

Вторая вербовка в Челябинске прошла не менее удачно. Даже удачнее, чем предполагалось в беседе с Доктором Смерть после первой вербовки – в помощники Интерпола. Заремба сначала хотел взять с собой на встречу аппаратуру для прослушивания, чтобы Доктор мог все контролировать, – видел в кино такую аппаратуру, а потом Доктор сам показал – у него даже дома есть. Но Гагарин не согласился. Люди против них работают опытные. Профессионалы. Не стоит рисковать. И оказался прав. Зарембу «прозвонили» сканером на предмет присутствия «жучка». И только потом для разговора пригласили нового человека, который назвался Саидом, – высокий красивый калайхумбский памирец. Этот человек не верил везению. У него возникло сомнение в разработках по привлечению старшего прапорщика. И он захотел все проверить сам. Разговаривали долго... У Петро создалось даже впечатление, что этот человек несколько раз бывал на посту Каракуль. Так хорошо он знает обстановку и даже окружающий пустынный пейзаж. Хотя Калайхумб в другой стороне Горного Бадахшана – на Западном Памире. По фамилиям и именам Саид знает многих офицеров. Беседой, похоже, оба удовлетворились. Старший прапорщик своим визави понравился. Он показался не только хитрым и в достаточной степени продажным человеком, но и предельно осторожным. Он не бросился с обрыва в омут – только услышав о сумме. Голову на плечах имеет. Он долго, трудно торговался. Почти как на восточном базаре. Восточные люди торговлю любят. Стоговался-таки. А уже после этого стал обсуждать варианты собственной безопасности на случай, если груз, пройдя пост Каракуль, все-таки засветится где-нибудь в дальнейшем. Тогда могут на него выйти. Он этого не хотел и предложил обсудить возможные варианты. Это понравилось еще больше.

В то, что он просто прозевал такую партию при проезде через пост, никто не поверит. Очень уж он опытный досмотрщик. Пятнадцать лет на этом месте служит. Если бы еще килограмм – куда ни шло. Такие грузы часто, бывает, проскальзывают. Хотя еще чаще не проскальзывают. Пограничники тоже постоянно учатся. И научились по глазам водителя определять, что у того за душой, а что внутри спинки сиденья, какие заботы водителя гложут, а какие вызывают смех. Но центнер! На этом засыпаться – все равно что до ветру сходить.

И Петро, вспомнив разговор с Доктором Смерть, сам предложил взять в заложники его жену. На случай собственной безопасности. Попадется, есть чем ответить. Угрожали – он не устоял. С женой обещал договориться.

– Гана деньги любит больше, чем меня... – сказал не без горечи, но с уважением к подобному факту. – С ней я договорюсь. Только меня предупредите заранее. Чтобы я прямо накануне побеседовал. А то доверять такие дела женщине опасно. Язык...

Тут же отработали схему досмотра. Лучше, если будет две машины. Первая пусть придет пустая. Вторая будет с грузом. Вторую старший прапорщик будет досматривать лично. Машина должна прибыть перед обедом. Обязательно перед обедом. Чтобы была причина торопиться. Обедать обычно ходят в комендатуру по одному. На посту – он и пара солдат. Одного из солдат отпустит в столовую. Такое уже бывало. Сомнений не вызовет. Второго – к первой машине. Чтобы не лез и не мешал. А сам...

Тут же договорились и об оплате. Долларами, естественно. Сразу на месте. Пачку он в карман незаметно засунет. Нет – никаких «по прибытии груза». Мало ли постов на дороге. Там попадутся, а он, выходит, зря рисковать будет. Так не годится. Только на месте...

4

Вдали на дороге показались две машины, направляющиеся от Мургаба. Стабильные «зилки» темно-зеленого, «военного», цвета, как и все автомобили здесь. Заремба взял в руки бинокль и принялся рассматривать номера. Да, это они.

И тут же зазвонил большой постовой телефон. Связь с постом только через коммутатор. Телефонистка запросто может прослушать разговор. Ну, что же, тогда доложит полковнику Бомбодурову. Командир, хочется надеяться, заставит ее молчать, не посвящая в тонкости. Хотя лучше, чтобы никто не слышал.

– Петро. Тут какие-то люди пришли. С оружием. – Артистка из Ганы что из козы балерина. Любой по голосу догадается, что она испугалась этих людей с оружием, как кухонных тараканов. – Велели тебе позвонить.

– Понятно... – сказал Заремба.

– Послушай, Петро, – голос грубый, с ужасным акцентом, нагло смеющийся. Может, и не таджик, может, настоящий афганец. Ох, иначе бы ты заговорил, братка, если бы по-настоящему попытался Гану в заложницы взять. – Если ты не пропустишь нашу машину, ты больше не увидишь свою жену.

– Какую машину?

– Сейчас подойдет. Все. Я уговаривать не буду. За тобой следят. Понял?

– Понятно...

Трубку положили.

Началось. Пора выходить на свежий воздух. Заремба встряхнулся, словно к бою готовился, поправил на плече автомат и вышел из бетонной будки.

Северо-восточный ветер усилился. Он нес пыль. Солнце хотя и светило – где-нибудь за забором, укрывшись от ветра, и позагорать можно, – но на самой дороге и замерзнуть недолго. Здесь продувает насквозь, и теплый бушлат не спасает.

– Иди обедать, – сказал младшему сержанту.

Тот посмотрел на дорогу, кивнул и направился по тропе вниз, к комендатуре. Ефрейтор вопросительно смотрел на Зарембу.

– Что искать надо?

– А что найдешь...

– Если хорошо поискать, все равно что-нибудь найти можно. У них каждая арба с тайником.

– Вот и ищи. Но постарайся ничего не найти...

Машины остановились перед шлагбаумом. Водители вышли, поздоровались. По привычке старший прапорщик отдал честь и сразу посмотрел в глаза. И все понял. Опытного человека не проведешь. И у того и у другого водителя глаза были «не в той кондиции». Значит, оба в курсе. Первому вообще-то знать было бы и не положено. Хотя это и не дело Зарембы. Пусть

делают что хотят. А он будет делать свое дело. Не хватало еще заботиться о чужих интересах. Более того, об интересах тех людей, с которыми почти всю сознательную жизнь борешься.

Заремба проверил документы. Они, естественно, были в полном порядке.

– Оружие, наркотики есть? – стандартной фразой спросил он.

– Зачем нам оружие. Зачем наркотики... – старший из водителей – с первой машины – смотрел по-азиатски хитро и заискивающе.

– Ефрейтор, – внешне совершенно равнодушно, привычно скомандовал старший прапорщик. – Проснись и пой! Проверь первую машину. Я со второй займусь. И быстрее давай, а то обед остынет.

– Есть, – ефрейтор потянул носом и ринулся в кабину, как поисковая собака. Дров бы не наломал. Тупой, спасу нет...

Водители, как обычно, помогали досмотру. Что где открыть – пожалуйста. Отвинтить – нет проблем. Заремба забрался в кузов. Водитель за ним.

– Здесь? – тихо спросил Петро, хлопнув по бочке, пахнувшей бензином. Определил сразу. Такую большую партию спрятать можно было еще разве что в кузове с двойным дном. Но здесь такого не было. Двойное дно опытный глаз пограничника вычисляет легко.

Водитель кивнул.

– Деньги, – Заремба протянул руку.

В ладонь ему легла увесистая и приятная при ощупывании пачка долларов. Считать, естественно, невозможно. Мало ли кто из комендантского городка в бинокль глянет. Он убрал деньги во внутренний карман бушлата.

– Рахмат. Бочку развинти.

Водитель отвинтил пробку бочки. Пахнуло мерзко – сверху был натуральный бензин. Глупо. Полную бочку обычно не наливают. При случайном ударе, даже при резком торможении бензин разорвет швы на металле. На таком пустяке можно засыпаться. И вообще бензин везут обычно на Памир, а не с Памира. Если где-то дальше подвернется проверка, могут и завалиться. Но киргизская милиция в Оше давно куплена. Эти не полезут. Да и Доктор Смерть должен на всем протяжении пути постараться, и сам Саид на дурака не похож. Неприятно было бы, если задержат совсем недалеко от Каракуля. Тогда могут на Зарембу подумать и деньги назад потребовать. От таких мыслей защемило сердце.

Старший прапорщик прыгнул на пыльный асфальт. Проверил рукой карман – не вывалилась ли случайно пачка долларов.

– Все, свободен, – кивнул он водителю, хитро подмигнув ему, и подошел к первой машине.

Ефрейтор ползал под ней. Катался на специальной доске, с приложенными к ней роликами. Заремба сам эту доску делал.

– Скоро ты?

– Сейчас... – закричал ефрейтор и выполз вперед ногами, все лицо испачкано чем-то черным.

– Иди умойся, – послал его Петро и повернулся к водителям. – Счастливого пути!

Глава 4

1

Когда в достаточно большом здании располагается невероятное количество фирм, работать там что женщине леденцы сосать – сплошное развртное удовольствие. Дым Дымыч дважды объехал корпус с пристройкой. Через весь квартал с прилегающими производственными зданиями и каланчой старой, ныне уже не существующей пожарки – тоже какая-то фирма помещение арендовала. Таким образом он настраивался, заводил себя и одновременно успокаивал. В последнее время настроиться стало труднее. Сказывался возраст, что ли. Или просто устал – много в последнее время работы. Раньше хватило бы и одного круга. Не стал бы лишний бензин жечь. А еще раньше вообще мог бы сработать на импровизации, без разведки.

Хотя – это хвастовство. В данном случае нельзя работать без разведки. Клиент не тот. Клиент с собой запасные штаны таскает – так боится запахом привлечь киллеров. И охрана готова в голубей стрелять, которые Толстяку на голову попробуют нагадить. Яд в птичьей помете подозревают.

Вчера вечером, как раз в то время, когда пытался дозвониться ему Хавьер, Сохатый находился в кабинете Толстяка. Снимал свою аппаратуру. Сигнализация в офисе простейшая. Таковую можно отключить иголкой. Что он и сделал. Это было уже второе проникновение. Первый раз он забрался туда четыре дня назад. Поставил «жучки» для прослушки. Перед работой «жучки» обязательно надо снимать. Иначе потом менты снимут. А своим добром с ненавистным племенем Дым Дымыч делиться не любит. Пусть для собственных затей сами покупают. Дорого это стоит. Но «жучки» свое дело сделали. С заданием справились.

Кроме того, Дым Дымыча вчера заинтересовало содержимое холодильника – это как раз после прослушивания разговоров в кабинете. Там он постарался на славу и даже с некоторым юмором. Юмор и смерть всегда рядом гуляют.

В само здание проникнуть вечером и не попасться на глаза дежурной старушке у входа – проще простого. Совершенно ни к чему мешать ей вязать носки внучатам. А то божий одуванчик может позвать охрану финансово-строительной компании. Те – молодые и неразумные, получили в руки оружие и считают себя сильными – пожелают разобраться с поздним посетителем. Потому Сохатый провел тщательную разведку в два предыдущих дня. Он поверить не мог – и правильно! – что производственный корпус соединяется с административным только через единственную дверь, всегда закрытую на металлический засов и на навесной амбарный замок. Дым Дымыч легко нашел проход в дальнее крыло, вроде бы стоящее почти обособленно, хотя и входящее в комплекс. Через дворик – два шага – и дверь направо. С таким замком, что проще сказать – вообще без замка. Подтянул дверь за ручку кверху и открыл. Никаких проблем, когда разболтаны петли и выбит кирпич над косяком. Дальше на второй этаж. Там металлическая дверь закрывает проход в основной корпус. Но эта дверь закрывается из корпуса бокового на задвижку. Замка здесь нет.

Боковой корпус кто-то купил у института. Сейчас там целый день суетятся строители. Новые хозяева затеяли, похоже, евроремонт – так это теперь называется, когда делают ремонт обыкновенный, но импортными материалами. Качество при этом остается старосоветским – тонкую изящную реечку прибавляют гвоздем-двухсоткой. Милое дело, когда много строителей. Они люди временные и не знают, естественно, тех, кто здесь имеет право проходить. И не обращают внимания на проходящих. Похоже, судьба явно не благосклонна на этот раз к Толстяку.

Сохатый поставил машину на большой стоянке перед главным зданием. Машин здесь – считать замучаешься. Благодать для взломщиков и угонщиков – никакой охраны. А могли бы и деньги за эту стоянку лопатой грести, если сумели бы организовать дело, – большинство машин приезжает ненадолго.

Сегодня Толстяк будет пить пиво. И обсуждать одновременно дела. Обсуждение предстояло тонкое. С уговорами. Он пригласил к десяти утра предполагаемого компаньона. Толстяк знал любовь приглашенного к «жидкому хлебу». Разговор об этом шел по телефону. Запас пива в холодильнике вчера был обработан Дым Дымычем. Слабительным. Оказалось проблемой достать машинку для закрывания пивных бутылок. Открыть аккуратно дурак сумеет. Закрывать сложнее. Машинка не нашлась. Пришлось заказать у спеца. Самому сделать чертеж и заказать. Спец сотворил в один день. Взял за это соответственно. Но вопросов не задавал. Это приятно. И для спеца безопасно.

Минутная стрелка на часах прошла нужную отметку. Пора. Слабительное в пиве пришлось испытывать на себе. С часами на руках. Сочетал приятное с полезным. Но зато теперь он знает точное время действия.

Дым Дымыч, закрыв машину, включил сигнализацию и прямой офицерской походкой неторопливо обошел здание слева. Вход в вытянутый производственный корпус с боковой улицы – через покореженные ворота, днем стабильно открытые. Вечером открыта только калитка. Авторемонтная фирма, оккупировавшая несколько гаражных боксов и смотровую яму внутри, круглосуточно предлагает клиентам услуги по ремонту колес. Пройти лучше всего именно здесь.

Днем народу в корпусе много. И не все друг друга знают. Автомобилисты заняты своим делом. Сейчас обслуживаются сразу три машины. Одна заехала на стойку, и теперь ее перевернули на бок. Обрабатывают поддон антикоррозийным покрытием. У двух других поднят капот. Внимания на постороннего никто не обращает. И молодцы. Долше живет тот, кто не обращает внимания на посторонних. Через тридцать метров – новый участок. Другая уже фирма варит металлические квартирные двери. Правильно. В наше сложное время без металлической двери чувствуешь себя уже неуверенно. Особенно если за этой дверью есть что хранить. Те двери, что ставят строители, без проблем выдавливаются плечом или вскрываются ломиком. Сохатый прошел мимо этого участка, закрывшись ладонью от яркого пламени сварки. Потом стороной обогнул следующую бригаду, работающую с ручным наждаком над этими же полуфабрикатными дверьми. Искры и окалина летят феерически, как на празднике, во все стороны, ricochetт от заграждения. Глаз проходящему мимо запросто могут выжечь и выбить. А Дым Дымычу без глаз работать трудно. Потому и прошел он этот участок быстро. Дальше коридор с грязными туалетами и неработающими душевыми комнатами. Дальний выход из коридора к каким-то кабинетам, тоже постоянно закрытым. Женщина навстречу. Сохатый приветливо улыбнулся ей и поздоровался. Так... Теперь еще один поворот, во двор.

К закутку сапожника Дым Дымыч подошел вовремя, строго по графику. Окошко для клиентов в его хилом заборчике здесь же – во входной двери. Сохатый нарочно рассеянно оглянулся – коридор пуст. Заглянул в окошко, а рука уже достала «ТТ» с глушителем.

– Привет. Как там мои башмаки?

Сапожник испуганно посмотрел ему прямо в глаза. Словно он все знал... Словно прочитал свой исход в глазах пришедшего. А рука Сохатого уже пришла в движение. Время не терпит. Сухой шелчок отбросил голову сапожника к стене. Удар стриженного затылка о стену получился более слышимым, чем выстрел. Выстрел же больше походил на стук сапожного молотка.

– Прости, браток... Работа такая, – Дым Дымыч от чувства мерзости к себе поморщился, словно стакан самопальной водки хватанул.

Работа...

Работать!

Совесь и комплексы – к черту!

Не расслабляться.

Теперь быстрее, нужно выдержать темп. Сохатый, сняв башмак, бросил в окно его на стол к сапожнику. Поджав ногу без башмака, замер. Ремонтируют, понимаешь... По расчетам, стоять так придется около минуты. Расчеты дают разброс плюс одна-две минуты. Но он и минуты не простоял. Толстяк оказался слабаком – желудок хиловат. В другом конце коридора открылась дверь. Вышел охранник. Сохатый уже присмотрелся к нему раньше. Морда уголовная. Руки в непонятных татуировках. Любой киллер одной внешности такого охранника должен испугаться. Нос, кажется, трактором переехали. О таком в просторечье говорят – боксерский нос. Только ни один боксер не позволит так бить себя по самому чувствительному к боли месту. Боксеры свой нос берегут. Охранник осмотрелся. На человека, стоящего в одном башмаке около будки сапожника, внимания не обратил. Для того и сапожник здесь, чтобы с ним разговаривали, стоя на одной ноге. А Сохатый именно разговаривал. О последней удивившей всех игре сборной России по футболу против чемпионов мира – французов.

От Дым Дымыча до дверей «Альто-S. Ltd.» тридцать четыре шага. Время идет. Сейчас выйдет Толстяк... Охранник посторонился, пропуская шефа. Толстяк летел в коридор, истерично размахивая руками. Слабительное мощное. Чуть не сорвалась с петель дверь туалета. Охранник зашел тоже. За первой дверью большой тамбур-умывальник. Там, вероятно, и ждет. Принюхивается. Пора. Последний взгляд в конец коридора. Стекло двери. За ними эстакада к другому крылу и лестница на первый этаж. Там же лифт, за лифтом комната охранников финансово-строительной компании. Охранники обычно курят, сидя на деревянном диванчике. Неплохо, наверное, зарабатывают, если постольку курят. Одни сменяют других. Прямо за стеклянной дверью. Но стекло не прозрачное. Если они там и есть, то никого не видят, как Дым Дымыч не видит их. Пора. Время терять нельзя!

Сохатый на одной ноге допрыгал до двери туалета и открыл ее. Прямо за дверью, в четырех шагах, охранник «Альто» мыл руки и рассматривал свой замечательный нос в зеркало.

– Подожди, – нагло и высокомерно, как перед каким-то лохом, он поднял мокрую руку ладонью вперед – жест индейца. Зря ты так, парень... Плохо тебя, парень, учили...

Отвечать ему смысла нет. В другой обстановке, с менее категоричным предполагаемым исходом, такого можно было бы просто вырубить. Он совершенно не готов к защите самого себя, не говоря уже о защите хозяина. Человек в одной туфле не может быть противником. Но именно на этом и основывал Сохатый свой психологический расчет. Оставлять в живых свидетеля, который потом мог бы за ментовским компьютером фоторобот составить или как-то при случае узнать на улице, – себе дороже. Жизнь приучила Сохатого быть предельно аккуратным и ответственным.

– Извини, браток...

Из-под полы куртки появился пистолет. Охранник – дурак. Никакой школы. Вместо того чтобы сократить короткую дистанцию и влезть в рукопашную – единственный для него вариант спасения себя и Толстяка, – он отскочил к стене и полез за пистолетом. Дым Дымыч покачал головой, улыбнувшись, даже позволил охраннику достать пистолет и хладнокровно послал свою пулю прямо между глаз «боксеру». Как стрелял обычно. Старался так стрелять, если была возможность. Фирменный знак. Своего рода печать, автограф. Этот автограф значится в карточках многих городов. Теперь появится и в родном городе.

Время торопит. Пистолет охранника ногой в сторону. На случай, если вдруг жив остался. Но это действие выполнил чисто по привычке. Охранник уже никогда не поднимется. И – вперед. Закрыта только средняя из трех кабинок. Резкий рывок дверцы, испуганные бусинки маленьких глаз на жирном и прыщавом потном лице.

– Извини, Толстяк... Ты, говорят, был падлой...

И опять выстрел точно между глаз. Каждый выстрел – контрольный. Нет надобности кого-то добивать.

И все... Теперь нужно забрать башмак со стола сапожника. Неторопливо обуться, завязать шнурки – в неторопливости есть тоже свой шарм. Сохатый протянул руку в окошко и открыл дверь. Сапожник сидит, как сидел. Протерев пистолет с глушителем, Сохатый вложил его в руку сапожника. Это не инсценировка убийства сапожником Толстяка с охранником и последующего самоубийства. Такая инсценировка годится только для дураков. Это просто баловство. Артистизм. Игра. Издевательство над ментами. А за своими старыми башмаками завтра нужно обязательно прийти. Чтобы узнать новости и сплетни. Оставить их здесь невосстановленными – значит совершить явку с повинной. Хотя записаны они на вымышленные данные.

Теперь неторопливо вниз по лестнице, направо по коридору. Дверь в другое крыло. Засов задвинуть. Вон, кстати, строители рукавицу, испачканную цементом, потеряли. Этой рукавицей и задвинуть. И не надо отпечатки пальцев стирать. Рабочие задвинули. Кто иначе... На стройке всегда много подручного материала, который скроет все возможные следы.

Сохатый вышел на улицу через другой ход. Зачем было еще раз появляться там, где прошел. Глаза кому-то мозолить. Лучше там, где работают строители. Здесь его видели только один раз два дня назад. Тогда внимания на него не обратили. Не обратят и сейчас. Он уверен. Не так он себя ведет, чтобы на него внимание кому-то понадобилось обратить. Вышел, спустился с низенького, в две ступеньки крыльца под металлическим козырьком, постоял, посмотрел на фасад, на окна. Слово бы раздумывая над чем-то. Так себя вести может только человек, имеющий к этому зданию, к его помещениям непосредственное отношение. Два строителя тащат носилки с песком. Он посторонился, пропуская их. Таким они его и запомнят. И никак не смогут связать с происшествием в другом крыле, даже если их и будут допрашивать.

Машина была на месте. На удивление, ее никто не пытался угнать, никто даже магнитола не пожелал украсть. Дым Дымыч сел за руль, повернул ключ зажигания и вдруг отчетливо вспомнил глаза сапожника. Глаза человека, предчувствующего дальнейшее.

2

Вернувшись домой, Сохатый вновь принял душ, словно пытаясь смыть все, что пережил утром. Смывались переживания трудно, и потому он долго стоял под тугими струями, не замечая даже, что вода очень горячая.

Так повелось, что живет он просто, не слишком позволяя себе расслабление и наслаждение. Скучно живет. А потом вот так, в один момент – всплеск, выброс мощной энергии. Тут война и театр сразу – в одном деле. И переживаний хватает надолго... Он опять чувствует, что он существует, делает единственное, что умеет делать. Правда, в этом деле много издержек, много неприятного, но он смывает это неприятное под душем...

Выйдя мокрым в комнату и не обращая внимания на стекающую прямо на старый палас воду, он потянулся, хрустнув суставами, посмотрел на себя в зеркало и кивнул отражению.

– И дел-то было – пара пустяков...

Неожиданно зазвонил телефон. Интересно, кто бы это мог быть? Неужели Хавьер уже узнал о случившемся? Возможно. Сохатый снял трубку.

– Алло. Дым Дымыч?

– Я.

– Привет, командир.

– Привет. Кто это?

– Оленин. Не узнал?

– Ха! Только недавно тебя вспоминал. Долго жить, старик, будешь.

– По какому поводу воспоминания?

– Да что-то вдруг Афган донимать стал. Особенно по ночам. Старею, похоже...

Дым Дымыч подошел вместе с телефонной трубкой к полке и посмотрел на женщину из слоновой кости. Единственное, что у него осталось от Афгана, кроме двух ранений. Погладил пальцем ее чуть желтоватую шею.

– Вот сейчас с тобой разговариваю и танцовщицу рассматриваю.

– Статуэтку, что ли?..

– Да.

– Цела она еще?

– Конечно. Это единственная у меня постоянная женщина. И единственная ценная вещь. Такое не теряют и никому не дарят.

В трубке некоторое время молчали. Раздумывая, видимо, взвешивая грусть и одиночество в голосе Сохатого.

– Я вот тоже недавно вспомнил былое. Заехать хотел, но... Еле твой телефон нашел. А адрес не помню. Как насчет того, чтобы встретиться?

– Бога ради. Сегодня можешь?

– Конечно.

– Заезжай вечером. Жду. Записывай адрес...

С чего это вдруг вспомнил о его существовании бывший подчиненный, а ныне потенциальный враг – старший следователь по особо важным делам? Сохатый, взглянув на свое отражение в зеркале, пожал плечами и улыбнулся.

Он набрал номер Хавьера. Трубку взял кто-то из «быков». С ними Дым Дымыч разговаривать не любил. Ребята рьяные, тупые, постоянно на кулак напрашиваются.

– Хозяина позови.

– Кто спрашивает?

– Не твоего ума дело. Позови.

– Кто спрашивает? – голос настырный и беспредельно наглый.

– Без сопливых скользко... Я повторять не буду...

Долгое молчание в трубку. «Бык» пытается думать. Наконец надумал.

– Сейчас.

Это «сейчас» длилось минуты две. Дым Дымыч уже собирался трубку бросить, когда услышал характерно-хриплый голос Хавьера. Этот голос он запомнил однажды и навсегда. Голос, который на зоне вполне мог решить судьбу человека.

– Максимов. Слушаю.

– Привет, старик.

– Привет. Ты что моим ребятам хамишь?

– Я им яйца при встрече оторву. Чтобы вежливости научились. Что это за тип был?

– Шурик Беломор. С «отдыха» вчера прибыл.

– А, этот... Привет передай. Этому я просто «варкуху» нарисую. На память. Чтобы кровь из обеих ушей...

– Ладно. Я так и передам. Как у тебя дела? Пойми, я не тороплю, но есть обстоятельства, которые поторопить заставляют. Очень интересные обстоятельства. Надо встретиться.

– Через час подъеду. Беломора предупреди, чтобы готовился.

– Ладно, – усмехнулся Хавьер.

С Хавьером они познакомились в лагере. На отсидку Сохатого отправили, как обычно делается, поближе к родным местам. Хавьер был на зоне Смотрящим. Он взял под покровительство бывшего старшего лейтенанта спецназа, на которого многие правильные ребята точили зуб после малявы из пересылки. Самостоятельный и ершистый, Сохатый был для пар-

ней достаточно крутых все равно что красная тряпка для быка. Такого хотелось обломать. Просто ради самоутверждения. Хавьер же хотел сначала присмотреться к новичку. Он готовился откинуться. Ему такие были нужны на свободе. А по слухам спецназовец через пару месяцев попадет под амнистию... Тяжелые статьи не учитывались только для уголовников. Для военнослужащих они попадали в общий список отдельной строкой.

Сам Дым Дымыч эти времена вспоминал с омерзением и содроганием. Афган по сравнению с зоной казался ему отдыхом. Курортом, где лечат нервы. Не со всеми бывает так. Но с ним так уж получилось. Он сам себя поставил в положение одиночки. Психологически не смог принять нового своего состояния. Считал, что его несправедливо обидели, и обида прорывалась против всего и всех – начиная от самих эков и кончая контролерами.

Приказ трибунала – «разжаловать в рядовые и уволить из армии». Казалось бы, что хуже? Суд состоялся в Ташкенте. А потом началось непонятное. Снова арестовали прямо на выходе из здания трибунала. Опять следствие. Следак попался толковый и сочувствующий. Сам солдатом прошел Афган. Прекратил дело за отсутствием состава преступления. Потом звонок из МИДа в ЦК Узбекистана. Из ЦК звонок в республиканскую прокуратуру. Новый следователь – откровенный мудака. Трусливый и угодливый восточный кадр. Он даже подследственных боялся. Однако раскатал по полной программе. «Убийство по предварительномуговору в составе группы преступных лиц». Группа преступных лиц – это два офицера, несколько солдат отдельной роты специального назначения и полковник ХАДа – афганской службы безопасности. А несчастные жертвы – мирные жители, ювелиры – отстреливались из семи автоматов. Смех... И новый суд. Уже гражданский. Гнусавый голос сонного судьи с красными похмельными глазами. Похмелье из него так и лезло на каждом заседании. Судье трудно было даже проговорить без остановки долгую решающую фразу.

– Шесть лет лишения свободы с отбыванием первых трех лет в колонии строгого режима, оставшихся трех лет – в колонии общего режима.

Парочка народных заседателей – передовики производства с какого-то завода, плохо понимающие по-русски. Эти летать готовы от внезапно свалившейся на их глупые головы значимости.

Секретарь суда ковыряет на круглом лунообразном лице прыщи, вытирает пальцы о цветастые шаровары и сурово хмурит насурмленные брови.

Абсолютным дураком улыбается адвокат, не сумевший произнести ни одного умного слова. Он даже доводы самих осужденных повторить в нужный момент не сумел. Что это? Равнодушие? Нежелание понять? Нет, это был «предварительныйговор», точно такой же, какой приписывали им.

Они сидели в металлической клетке, как звери. Перед оглашением приговора бывший командир роты капитан Охлопков наклонился к Дым Дымычу и со смехом прошептал:

– Было бы куда податься, мы бы с тобой эту охрану голыми руками уложили...

– Я бы с судьи начал... – ответил Дым Дымыч. – И вон с той прыщавой... Терпеть не могу, когда лицо ковыряют. Плюнуть в харю хочется...

Они в самом деле без проблем уложили бы охрану и ушли. В этом ни тот, ни другой не сомневались. Эти идиоты, прапорщик и солдаты внутренних войск, не знают простой теории охранения. Несколько секунд, и они лежали бы, раскинув руки в разные стороны, беспомощные и безоружные. Сдерживало другое. Накануне последнего заседания суда их вызвали в кабинет для допросов следственного изолятора. Сразу двоих. Это было неожиданно и непонятно.

Следователь сидел за столом. Беседу начинать не спешил. Предложил сигареты, они отказались. Оба некурящие. Молчали минут пять. Потом дверь открылась и вошел незнакомый полковник. Военный, не из внутренних войск. Брезгливо махнул рукой следователю.

– Но... – привстал тот.

– Так надо, – сказал полковник жестко.

Следак испугался одного его взгляда и ушел без дальнейших вопросов. Тогда они поняли, что этот полковник из ГРУ. Только к представителю Службы или к представителю Конторы следак мог проявить такое почтительное подчинение. Полковник носил красные общевойсковые погоны, а не конторские ярко-синие. Следовательно, он из ГРУ.

Они ждали. Визит своего человека вселял надежду.

Полковник достал трубку, набил ее и долго раскуривал, по-сталински расхаживая по кабинету. Наконец сел на место следователя. Поднял глаза. Долго смотрел молча на одного, потом на другого. Смотрел устало, с сожалением.

– Полковник Костомаров, – представился он. – Мы, кажется, незнакомы?

– Нет, – сказал Охлопков. – Но я помню вас по Афгану. Тогда вы были подполковником. Видел вас мельком.

– Был я и подполковником... – вздохнул Костомаров.

– Как понимать ваш визит? – Охлопков не слишком верил, что полковник сможет им помочь. – Дать вежливости по отношению к нашим заслугам?

– Не ересься, – тихо сказал Костомаров. – Короче, так, ребята. Чем спецназ ГРУ отличается от любого другого спецназа? Умением выживать. Это ваша нынешняя задача. Мы пытались все сделать. Но очень мешает МИД. Вы просто попали под ветряную мельницу. Дует новый ветер. Несет перемены. Начались перемены в Москве, автоматически они отозвались в Афгане. Вас подставили. Очень грубо, но подставили. Избежать этого не удалось. Завтра будет читаться приговор. Будьте готовы. Лишнего на себя не берите. Я понимаю, что вы можете *это* сделать... Но к чему вам в своей стране потом всю жизнь прятаться. Вам нужно элементарно выжить.

– Сколько? – спросил Сохатый напрямую.

– Дадут вам много. Через полгода будет амнистия.

– Под амнистию не попадают «особо тяжкие»... – Законы Охлопков знал. В камере успел выучить. Там знание законов преподается быстро.

– Это и я знаю. Но надо, чтобы МИД про вас забыл. Тогда у нас развяжутся руки. Я обещаю вам это. Потерпите полгода...

– А потом? – зло спросил Охлопков.

– За «потом» я ручаться не буду, просто не могу ничего обещать конкретно. – Костомаров, по крайней мере говорил честно. – Возвращения на прежние должности не будет. Но я попробую хоть что-то сделать. Звания, возможно, восстановим. Только уже будет не спецназ. Со спецназом вы попрощались. Может быть, в агентурном... Может быть... Есть же еще службы... По крайней мере, не на должность заведующего складом. Вы знаете...

Они знали. Слышали, если говорить точнее. Бывших спецназовцев, по каким-то причинам осужденных – что не редкость, – с удовольствием берет к себе на работу отдел ликвидации. Очень засекреченный отдел. О котором даже они, офицеры спецназа ГРУ, только слышали.

Полковник нещадно дымил. Сизые слои висели над его головой. Он от дыма слегка щурился, чтобы не щипало глаза, но смотрел прямо. Честно смотрел, с сочувствием. Не как те военные чиновники, с которыми приходилось встречаться до этого. Да и был он не чиновник. Он представлял собой Службу. Сам – бывший спецназовец, как помнил Охлопков.

Они ему поверили. И потому после прочтения приговора охранники остались в живых. Выживать спецназовцы ГРУ умели.

3

Сработала сигнализация в машине Сохатого. Услышав голос своей «БМВ», он посмотрел в давно не мытое окно. Многолетний слой пыли на стекле напомнил о былой военной акку-

ратности, но не помешал рассмотреть, что рядом с «БМВ» никого нет. Просто система сигнализации дурацкая, как и большинство существующих систем – специально предназначена, чтобы нервных бродячих кошек пугать. Не успеет мимо груженный грузовик проехать, как твоя тарантаска уже завывала.

Из окна сигнализацию отключить невозможно. Но Дым Дымыч как раз собирался выйти из дома...

До добротного дома Хавьера на окраине города Сохатый добрался за пятнадцать минут. Без проблем вычислил наружный пост – в этих делах воровской авторитет всегда аккуратный – за квартал от поворота на узкую улочку, где находится дом, стояла старенькая «жучка». И худосочная физиономия за стеклом блеснула стальными фиксами, изображая приветственную улыбку. Хавьеру с этого поста, вероятно, сообщили, что Сохатый проехал. Ворота при приближении открылись без сигнала.

Дом большой и крепкий, но в сравнение не идет с теми, что понастроены за последние годы в округе. Хавьер жил строго, как и положено правильному вору. «Законником» он не стал по одной простой причине – имеет десятилетний трудовой стаж. Был в молодости шахтером и ползал с черным лицом по шахтам, отчего, как он сам говорит, до сих пор кашляет. Правда, в последние времена на «правильность понятий» внимания не обращают. Звания вора многие нынешние, зону не топтавшие, не заслуживали. Просто покупали. Хавьер на такое не шел из гордости и ради поддержания авторитета старой школы. По той же причине не пожелал иметь шикарный особняк, хотя позволить такое себе мог. Вор должен жить скромно.

Сохатый вышел из машины, посмотрел на парочку «быков», встретивших его во дворе, и демонстративно, чтобы подразнить обитателей, включил сигнализацию. «Быки» вызвали у него невольную улыбку. Они чем-то напоминали утреннего охранника Толстяка, только более накачанные – целыми днями штангу во дворе ворочают. С ними Сохатый, если возникла бы надобность, разобрался так же просто, как с утренним. Он уже не раз говорил об этом самому Хавьеру, но тот махал рукой:

– Ты есть ты. Таких больше не бывает. Будем надеяться, что ты не примешь на меня заказ, со мной не посоветовавшись, – и резко смеялся над своей шуткой, как харкал. С легкими у старика были нелады.

Хавьер обедал. Дожевывая кусок жареного мяса, жестом пригласил Сохатого к столу. Старик махнул рукой кому-то, скрывающемуся за занавеской на кухне. И тотчас перед Дым Дымычем поставили тарелку. Принес ее старый знакомый еще по пересыльной тюрьме – Шурик Беломор.

– Зачем ты этого осла рядом с собой держишь? – спросил Сохатый, не смущаясь, что сам «осел» стоит у него за спиной.

На удивление, Беломор промолчал. Дым Дымычу это показалось странным. Это перед Хавьером Беломор – мальчик. А с самим Сохатым он обычно держится на равных. Даже задиристо, когда есть кому заступиться. Но только не молчком.

– Он парень верный, – холодно улыбнулся Хавьер и вопросительно посмотрел на Беломора. Тот сразу же исчез за занавеской.

...С этого самого Беломора начались неприятности Сохатого среди уголовного окружения. Там, в Ташкенте, еще чувствовали близость Афганистана. Там даже в СИЗО к афганцам относились с опасливым уважением. Потом был трясучий, с жесткими сквозняками вагон и затертая шутка – «вологодский конвой шутить не любит». Конвой попался, к счастью, не вологодский. Но тоже не подарок.

На одной из станций охранники не стали ждать, когда растащат состав через железнодорожную «горку».

– Выходить по одному. Вышел, руки за голову, встал на одно колено. И быстро. Времени мало, – раздалось по вагонам.

Кто плохо шевелится – прикладом в затылок.

– Быстрее, мать вашу...

Пересчитали по головам, как скотину.

– В новый вагон. По одному. И быстро, быстро...

В голосе молодых конвойных столько властной брезгливости, что сам начинаешь ими брезговать. И всей душой ненавидеть внутренние войска. Дали глупым соплякам власть и автомат для утверждения этой власти. Недоразвитые мальчишки – а других во внутренние войска, особенное в конвой, стараются не брать – из кожи вон лезут, чтобы ощутить ее как можно полнее.

А потом пересыльная тюрьма. Две недели там парили. В камере шестнадцать человек. Большинство новичков. Обыкновенные ребята – кто на чем залетел, в основном по пустякам, со смешными сроками. Сортировки еще не было – кому на общак, кому на строгую. Сортировать будут здесь и отправлять этапом. Опытных зэков двое. При них пятеро прихлебателей. Держат остальных в кулаке – не продохнуть.

Сохатого привели в камеру последним. Дверь за спиной захлопнулась, лязгнул засов, повернулся в замке ключ. Специально, что ли, их здесь не смазывают, чтобы звук был колоритнее?...

Он остановился, осматриваясь. Стоял, как привык офицер стоять в строю – прямо.

– Милости пожаловать... – вдруг бросился к нему типичный «шестерка» и расстелил под ногами полотенце. Почти чистое.

Дым Дымыч знал этот обычай приема новичка – рассказывали и учили еще в СИЗО. Если человек вытрет ноги, значит, он «тертый», с зоной уже знаком и имеет право на какой-то авторитет. На какой – это выясняется позже. Сохатый через полотенце переступил. Не только потому, что не имел опыта, но и потому, что плевал на местные законы. Демонстративно.

В этот раз он не пожелал проявить свое умение выживать по-спецназовски, надеясь по-спецназовски отстоять свое право на независимость. И через несколько минут ему такая возможность представилась.

В камере стояла настороженная тишина.

– Где место свободное? – спросил Дым Дымыч.

Парень со свежей ссадиной на скуле кивнул на верхний ярус шконки около входа. Сохатый бросил туда свой скромный узелок. Ложиться он не стал. Только прислонился к стойке плечом и еще раз осмотрелся. Все смотрели на него и ждали продолжения.

Шконки стояли в три ряда. Высокое зарешеченное окно в камере всего одно. В дальнем проходе. Оттуда двинулись к новичку несколько фигур. Остановились.

– Представляться надо, – сказал «шестерка», который расстилал полотенце.

– Лосев.

– Сохатый, – сразу же окрестил его кто-то сбоку.

– Так меня тоже звали, – Дым Дымыч посмотрел сначала туда, откуда раздался голос, потом на группу, что подошла из дальнего прохода.

Двоих он выделил сразу. Остальные топтались, выжидая, что скажут они. Колоритные фигуры со стандартными стальными фиксами во рту. Руки в татуировках скрещены на груди. Молча угрюмо рассматривают. Наконец один выступил вперед и стал наматывать на кисть носовой платок.

– Значит, новая мамочка к нам пришла...

Сохатый понял – ему показали на кровать для педерастов. И он согласился по незнанию. Ситуация обострилась, и теперь предстояло себя показать, иначе жизни не будет.

– Да. Мамочка. Только у меня всего одна грудь. И ты ее сейчас сосать будешь...

Удар был очень резким. Дым Дымыч едва успел поставить блок. Но все дальнейшее от него уже не зависело. Тренированное тело работало самостоятельно. Если поставил блок, то не должен ждать второго удара. Молниеносный ответ. Не сильно. Только резко, в болевую точку. И тут же мощно, всем телом – локтем сбоку в челюсть. Противник ударяется головой о шконку, отлетает назад, еще удар – в корпус. Теперь надо поймать падающего лицом на колени.

Драться с толпой и остаться неповрежденным можно только в одном случае – когда ты будешь бить толпу. Это Сохатый знал хорошо. И потому не стал дожидаться, когда на него посыплются кулаки и пинки со всех сторон. Он первым решился на атаку, нанося удары каскадами. Время разговоров кончилось. Натиск и быстрота действий спецназовца были такими, что он задавил противников психически. И тогда уже просто добивал. Методично. Жестоко. Рискуя убить или изуродовать.

Жалости в спецназе ГРУ не учат. Там даже драться не учат. Там учат только убивать. И он почти убивал...

А когда все закончилось, взял свой узелок с пидарской кровати и прошел прямо по лежащим и корчащимся телам, то и дело попадая каблуками по чьим-то лицам, к окну. Бросил к выходу из-под подушки угловой лежанки чьи-то вещи и встал сам рядом.

– Еще желающие есть?

В камере опять повисла тишина. Но уже не такая напряженная. Почти радостная даже. Он понял, что победил. Но не знал, что это победа лишь на время...

– Нормально все, братан... – наконец сказали откуда-то от двери. – Все по уму...

Тот человек, который первым хотел его ударить, и был Шурик Беломор. Через час, отмочив лицо под умывальником, он не побоялся подойти к противнику.

– Ты – зверь, Сохатый... Как ты – даже на зоне не бьют. Не торопись в беспредельщики. Хреново тебе будет...

– Меня не учили бить. Меня учили только убивать, – повторил он то, о чем только что подумал. – Будь счастлив, что в живых остался. В следующий раз не останешься. Это всех касается, – сказал он, по-командирски понизив голос на последней фразе. – Власть переменялась. И порядок тоже.

– Робин Гуд? Всеобщий защитник, что ли? Ну-ну... Как-то ты на зоне запоешь? Там не так живут, как ты привык, там порядки свои, спецназовец...

Значит, они уже знали, кто он такой. Беспроволочный тюремный телеграф работает лучше государственных средств связи – это общеизвестно. И сами контролеры при этом считаются стационарными телеграфными аппаратами.

Угроза не подействовала. Пока еще Дым Дымыч не сталкивался в реальности с силой, которую нельзя победить другой силой. И он надеялся на себя.

...Хавьер принципиально не держал дома рюмок. Пили здесь только из граненых стаканов. И исключительно водку. Правда, хорошую, дорогую. Но исключительно отечественного производства. Водку Хавьер уважал всегда, как национальный напиток, и этим гордился. Себе он налил до края. Тоже с уважением. Посмотрел вопросительно на Сохатого. Дым Дымыч отрицательно покачал головой.

– Знаешь же сам – за рулем не потребляю...

– И правильно.

Хавьер выпил и сразу же налил себе еще стакан.

– Подожди, – попросил Сохатый. Он знал, что пьяный Хавьер становится дурным и непредсказуемым. А с дурным разговаривать трудно. – Давай сначала о делах поговорим.

Тот согласно кивнул.

– Сначала рассчитаемся.

– За что? – Хавьер счет деньгам любил. – Аванс ты получил. Что еще?

– Теперь выплачивай расчет.

– Уже?

– Я хоть когда-нибудь просил расчет раньше времени? Если прошу – значит, все...

Хавьер повеселел.

– Хороший ты спец. Жалко тебя будет терять...

– А зачем меня терять? – насторожился Дым Дымыч. Опасности он не почувствовал и, зная свой звериный нюх на опасность, не сильно обеспокоился. Тем более в ножной кобуре он носил под брюками пистолет. Достать его он возможность найдет всегда. При тренировке на это требуется три секунды. Но не станет Хавьер стрелять у себя дома, даже если решится от Лосева избавиться. Он придумает что-нибудь другое, чтобы от себя подозрение отвести.

– Потому что тебе необходимо будет скоро уехать. Скоро и надолго.

– Рассказывай.

– Мой человек – мент-родственничек – сегодня утром был по делам в областной прокуратуре, у следака Оленина. Тому позвонил какой-то стукач по фамилии или по кличке то ли Седов, то ли Седой. Названы были я и ты. В связи с чем – родственничек не знает. Следак не сказал. Ты сам, случаем, не знаешь?

– Интересно... – Сохатый сразу уловил связь между сообщением Хавьера и звонком Оленина. – И ты считаешь, что мне следует в темпе срываться?

– Не сразу. Меня Саид просил человека ему найти. Для работы. Мы пару раз с ним уже контактировали. Он хорошо платит. Я тогда залетных приглашал. А сейчас вопрос совсем срочный. Тем более что тебе все равно уезжать. Может, я подумал, напоследок согласишься отработать?

Сохатый недолго думая мысленно прокрутил другой вариант, но своими соображениями с Хавьером делиться не стал. Не тот это человек...

– Соглашусь. Но одно условие. Только если ты найдешь мне этого Седого. Я не люблю, когда меня знают много людей. Он – явно лишний.

– Постараюсь. Это, как понимаешь, и в моих интересах. Сегодня же потороплю ребят.

Дым Дымыч кивнул.

– А кто интересуется Саида?

– Один бизнесмен. Представляет какой-то западный фармацевтический концерн. Лекарствами торгует. Гагарин Виктор Юрьевич. Не слышал о таком?

Только тренированная воля помогла Сохатому не вздрогнуть. А вздрогнуть было от чего. И даже желание появилось стакан водки себе налить, но он удержался.

– Не слышал.

– Так по рукам?

– По деньгам...

Глава 5

1

Оленин только успел вернуться с обеда, когда дежурный, нервничая, сообщил, что его срочно вызывает заместитель прокурора. Дважды уже звонил. Нервы после утреннего звонка Седого расшалились, и почему-то Николай Сергеевич вообразил, что разговор обязательно будет идти о том, что он знаком с Сохатым. Мало ли кому еще стучит Седой...

Разговор пошел не о Сохатом, а о Толстяке, дела о покушениях на которого Оленин расследовал. Толстяка сегодня утром, еще до предупреждения Седого, все-таки убили в туалете возле офиса. Сохатый, возможно, опоздал с выполнением заказа – не выдержал гонки конкурентов. А возможно, сам уже дело сделал. В таком случае опоздал стукач. Сейчас на месте работает бригада. Выехал дежурный следователь, но вести дело придется все равно Оленину. Как и после первых трех покушений. Он больше других в курсе событий и знаком с обстановкой достаточно хорошо. Новому человеку во все это надо будет вникать.

– Так что откладывай все другие дела и выезжай туда. Разберись. Это нам, получается, в лицо кто-то плюнул. Разговоров теперь про прокуратуру будет – на весь город.

Николай Сергеевич успокоился.

– Что разговоры. Я еще тогда говорил: захотят убить – убьют. И никто им не помешает. Три раза просто повезло. А конец закономерный.

Он в самом деле говорил так на оперативном совещании у прокурора области. Предупреждал, что события будут именно таким образом развиваться. И никакая охрана Толстяка не в состоянии спасти. Тогда Оленина одернули. Почему-то не любят у нас признавать такой простой факт – если человека заказали, то он уже обречен. Один киллер не справился. Три не справились. А четвертый свое дело сделал. И в итоге оказался прав все-таки старший следователь по особо важным делам Оленин.

В этот раз заместитель прокурора промолчал.

На место происшествия Николай Сергеевич поехал сразу, не заходя к себе в кабинет. Старенькая, но ухоженная «Волга» стояла недалеко от парадного крыльца. Двигатель еще не успел остыть. Оленин вырулил со стоянки, чудом не задев чей-то новенький, еще сияющий лаком «Вольво».

Только этих неприятностей ему и не хватало...

А вообще, посмотреть со стороны на эту стоянку – вопросов задать можно множество. Откуда у работников прокуратуры деньги на такие машины берутся? «Вольво», два «Мерседеса», два «БМВ», «Опель-Омега». И все на зарплату жалуются. Впрочем, сам Оленин от повышения зарплаты тоже не отказался бы. И машину сменить тоже подумывает. «Вольво» ему очень нравится, и средства он имеет.

В большом здании на проспекте Победы Николай Сергеевич бывал несколько раз. И с Толстяком беседовал. И с другими фирмами работать доводилось. Потому сразу поднялся на второй этаж. На эстакаде толпился народ. Женщины собрались с разных этажей, трагически перешептывались и с подозрением смотрели чуть ли не на всех проходящих мужчин. Охранники финансово-строительной компании сидели на деревянном диванчике с помповыми бесприкладными ружьями в руках и нервно курили. Перешептывались, бросая короткие фразы. Должно быть, задним числом у них чесались руки, как это бывает почти у каждого человека, имеющего при себе оружие, но упустившего момент, когда его следовало применить.

«Рисковый парень работал, – подумал Оленин. – Не каждый решится действовать здесь, под носом у вооруженной толпы».

В том, что охранники компании представляют собой только вооруженную толпу, он не сомневался. Ну что они собой представляют? Окончили в лучшем случае школу охранников, получили лицензию и устроились на сидячую непыльную работу. Сомнения в профпригодности этих горе-охранников появятся у любого профессионала. Николай Сергеевич считал себя профессионалом не как старший следователь по особо важным делам, а как бывший старший сержант спецназа ГРУ. Там был профессионализм. Даже у солдат, не говоря уже об офицерах. Того же Сохатого взять – что ему эта вооруженная толпа? Он их вокруг пальца обведет и при надобности перебьет всех хоть вместе, хоть по одному.

Да... Сохатый...

Толстяка заказали Сохатому... Через Хавьера...

Сохатый – профессионал...

Здесь работал, несомненно, профессионал... Или же абсолютный дилетант... При полном парадоксе такого суждения – оно может быть абсолютным. Стоп! Но почему тот Сохатый и этот должны совмещаться? Кто вообще сказал, что Сохатый только один? Мало ли в стране Лосевых, и любого из них могут звать Сохатым. А могут Сохатым звать и вообще не Лосева. Здоровья, скажем, у мужика, как навоза на деревенской скотоферме. Кроме того, киллеры вообще не любят работать в своем городе. Слишком велика возможность быть узанным случайным свидетелем.

Мысли путались. И вообще делать какие-то выводы еще рано. Надо посмотреть сначала, что там, к чертям собачьим, произошло!

Перед застекленной дверью в правое крыло Оленина остановил высокий и дистрофически худой сержант милиции с маленькой, как у птицы, головой. Разве можно таким дядям Степам в милиции служить. Его же ветром пополам согнет, не говоря уже о кулаке какого-нибудь пьяницы.

– Туда нельзя.

Тон откровенно хамский, как и положено любому ментовскому сержанту в силу его интеллекта.

– Прокуратура, – коротко сказал Оленин и даже не посчитал нужным показать удостоверение.

Сержант торопливо посторонился. Сержанты обычно уверенности в людях не выносят. А может, этот просто узнал старшего следователя. Хотя едва ли. Если бы сержант узнал его, то и Оленин должен был запомнить такую несуразную фигуру – однажды увидев, такого не забудешь.

В дверях офиса «Альто-S. Ltd.» Николай Сергеевич столкнулся со старшим опером отдела капитаном Овчинниковым. Этот толковый. Хоть с опером повезло!

– Привет, Володя. Ты занимаешься?

– Привет. К сожалению, я.

– Почему – к сожалению?

Овчинников взглянул на следака почти с удивлением – неужели непонятно? Такие дела бесперспективны. Раскрываемость минимальная. Звездочку на погоны на этом не заработаешь. А неприятностей нагребешь – полные штаны. Начальство и газеты будут давить и давить, пока с грязью не смешают.

– Ты будешь вести или Нигматуллин?

Юрис Нигматуллин, прибалтийский татарин, прибыл на место происшествия просто как дежурный следователь, потому что Оленина не оказалось в кабинете. И уже начал работу. Остается только присоединиться к нему, а потом обменяться впечатлениями.

– Я. Юрис – дежурный, – вздохнул в свою очередь и Оленин. – На мне все три первых покушения еще висят. Теперь и такой вот солидный довесок подвалили. Этот Толстяк – мешок дерьма с ногами. Начнем разгребать – противогаз не спасет... Ладно. Рассказывай, что тут?

Овчинников взглядом показал на коридор.

– Три трупа, – и махнул в отчаянии и злости рукой. – Сам Толстяк, охранник и сапожник. Вон там, в конце коридора за забором сидел. Стучал себе, постукивал молоточком...

– Знаю его. Знал... Он моей жене любимый сапог ремонтировал. Женщины ведь как – трое сапог, а носят только одни, пока совсем не развалятся.

– Больше ремонтировать не будет. – Похоже, Овчинникову дела не было до вкусов жены Оленина.

– Сапожник – свидетель?

– Его пытались подставить, как участника. Такое у меня сложилось мнение. Но мысль о соучастии я полностью не отбрасываю, если исходить из его мотивов. Здесь у него дела, надо сказать, совсем плохо шли. Хоть и налоговая двумя этажами выше, а он квитанции никогда не выписывал. И все равно копейки зарабатывал. Контингент не тот, что ремонтом обуви занимается. Здесь больше новую обувь покупают после первой царапины на старой. Может быть, хотел подзаработать. Купили парня. А потом убрали. Сейчас трудно сказать. Вообще-то он инвалид. Нога протезная. Надо проверить – может, афганец? Тельняшку десантную носил...

– Тельняшка не показатель, – не согласился следователь. – Я тоже афганец, а тельняшку не ношу, хотя дома имеется. Жене моей не нравится. Может, его жене, наоборот, – нравится.

– А ты ее поверх пиджака не надевай, твоя и не заметит...

Они прошли по коридору в самый конец. Мимо, обгоняя на плавном вираже, стремительно пробежал какой-то человек со спутанными волосами и глазами, скачущими на три шага впереди головы, и понесся через три ступени на следующий этаж.

– Это что за чудо в перьях? – поинтересовался Оленин, удивленный спринтерской скоростью бегуна – олимпиец, да и только.

Володя Овчинников, при всей трагичности ситуации, не смог сдержать улыбку.

– Не чудо, а обгадившаяся жар-птица. Это как раз тот парень, с которым Толстяк беседовал перед моментом убийства. Предполагаемый компаньон. Толстяк пригласил его еще вчера. Поговорить о делах и выпить по несколько бутылок пива. Пиво стояло в холодильнике. Сейчас им занимаются эксперты. Через час после первой бутылки начали бегать. По очереди. Первым оторвался Толстяк. На счастье, у компаньона желудок оказался крепче. Иначе тоже попал бы в красный список.

– А почему не сюда? – кивнул Оленин на дверь рядом с лестницей. Он знал по предыдущим посещениям «Альто», что здесь тоже туалет, и вопросительно положил руку на дверную ручку.

– Там всего одна кабинка работает. Ее Толстяк оккупировал. Еще не унесли...

Заходить в туалет Оленин не стал. Заглянул только в тамбур. Охранник лежал, откинувшись на спину и подогнув правую ногу под себя. Аккуратное пулевое отверстие в голове.

Эксперты уже обработали двери будки сапожника. Тело парня лежало на носилках. Николай Сергеевич откинул простыню с лица. Точно такое же отверстие, как и у охранника. Очень аккуратное. Как гвоздик вбили.

– Толстяку куда стреляли?

– Между глаз. Как и всем.

– Автограф?

– Точно. И без промаха. Посредине. Это надо еще суметь. Стрелок, похоже, классный.

У жертв, как давно заметил Оленин, странная психология. Когда убийца достает оружие и наводит на человека, тот зачастую начинает метаться, пытается помешать выстрелу, за что-то прячется, хотя корпус такая мишень, в которую трудно промахнуться. Но стоит убийце напра-

вить пистолет в лоб, как жертва замирает, словно загипнотизированная маленьким выходным отверстием, из которого вот-вот появится пуля. И это при том, что попасть в голову значительно труднее.

– Да, – согласился Оленин. – Классный стрелок. Я в каких-то ориентировках такое уже встречал. Или в республиканских сводках... Надо будет посмотреть. Ты запроси Москву. Это – характерный почерк. Словно киллер хочет, чтобы его узнавали.

У многих киллеров есть такая манера – оставлять автограф. Кто-то бросает на грудь жертве визитку, кто-то отливает или вытачивает собственную пулю. Был в российской практике даже такой спец, который, словно киевский князь Святослав, предупреждал будущие трупы письмом, что собирается их убить. Причуды... А может быть, и не просто причуды. Каждый киллер, если брать по большому счету, человек с нарушенной психикой. И оставление автографа, может быть, следует отнести к психологическим факторам. Своего рода геростратов комплекс.

«Стрелял ли Сохатый между глаз?» – подумал Оленин. Ему очень хотелось вспомнить такой случай, но память подставляла эпизоды, не имеющие отношения к сегодняшней ситуации.

Старший лейтенант вспоминался только с автоматом. Но вот из автомата-то он стрелял как бог. Такой стрельбы – и по точности, и по скорости – Оленин у других не видел.

Автомат, гранатомет... Это да... Пистолет Стечкина носил, вопреки уставным нормам, по-ковбойски – на бедре, прикрепляя большущую пластмассовую кобуру самодельными ремнями. Но почти этим оружием не пользовался.

Капитан Овчинников, заметив вдалеке движение, повернулся лицом к высокой и стройной женской фигуре, появившейся силуэтом на фоне стеклянных дверей в полутьме коридора.

– Я жену Толстяка вызвал.

– С работы? – спросил Оленин.

– Она дома сидит. Домохозяйка. Поговори ты. Терпеть не могу женских истерик. Только вчера с одной такой же вдовой битых два часа беседовал. До сих пор визг в ушах стоит, словно на столе у включенной циркулярной пилы спал.

Николай Сергеевич кивнул, вглядываясь в силуэт, и двинулся по длинному коридору навстречу женщине, которая, не дождавшись его, зашла в распахнутые двери кабинета. Сам он с женой Толстяка до этого не встречался. Но, судя по легкой походке, решил он, она далека от истерики, хотя ее, конечно же, предупредили о случившемся.

Молодая женщина уже сидела в мягком и глубоком кресле перед столом, вольно забросив ногу на ногу, покачивала туфель. Ноги красивые – почему бы и не показать такие. Курила. Отнюдь не нервно. Оленин даже удивился, что у такого внешне неприятного человека, как Толстяк, – красавица жена.

«Видимо, – решил он, – всему причина – деньги...»

По другую сторону стола, на месте секретарши, восседал в вертящемся кресле Юрис Нигматуллин. Как всегда, сильно озабоченный, нахмуренный и слегка невыспавшийся. Разговор уже начался.

– И никто в последние дни ему не звонил с угрозами? Ничего подобного он вам не сообщал? – у Юриса непонятный акцент, смесь татарского с прибалтийским, и выглядит это почти французским прононсом.

– Я же уже сказала, что за последние три месяца мы обмолвились едва ли десятком слов. И то исключительно по необходимости.

«Интересно, – подумал Оленин, – она домохозяйка. Доходов не имеет. Супруги в длительной ссоре. Но деньги-то он ей давал? Не скажешь, что одежду она покупает на китайском рынке. И с голоду не опухла».

– Простите, я опоздал к началу разговора, – сказал Николай Сергеевич. И представился: – Старший следователь по особо важным делам Оленин. Я не услышал, как вас зовут.

– Анжелика.

– Скажите, Анжелика, кто вел домашнее хозяйство? Кто готовил, покупал продукты?

– Я, – не поняла она сути вопроса, – домохозяйки у нас не было. Сами, наверное, догадываетесь, как могут ужиться две женщины на одной кухне...

– Но вы же были в ссоре. Не разговаривали.

– Так что, он и деньги, вы считаете, мне давать не должен? Пусть бы попробовал... – Анжелика самодовольно усмехнулась.

«Тяжелый случай... – Оленин покачал головой. – И не слишком ее задела потеря кормильца. Такой вариант даже интереснее. По крайней мере, есть над чем голову поломать...»

В дверном проеме появился Овчинников. Послушал. Истерикой не пахло, и он осмелел, ступил за порог.

– А в поведении мужа в последнее время вы странностей не замечали? – продолжил свой допрос Нигматуллин. – Ну, предположим, излишне нервный. Или не слышит к нему обращенных вопросов – в себя углублен...

Анжелика затушила недокурную тонкую сигарету и тут же закурила новую. Возможно, это и есть признак волнения. Просто умеет хорошо свои чувства скрывать. Только – зачем? Любая женщина, оказавшись на ее месте, волновалась бы и переживала. Люди скрывают свои чувства, когда им это требуется по какой-то причине. Какая здесь может быть причина? Что она хочет показать? Гораздо естественнее было бы быть откровенно взволнованной. Впрочем, может быть, она-то как раз и естественна. Она просто бросает вызов. Всем...

– Он всегда был нервным. А так – все как обычно. Не должна же я каждое его дыхание выслушивать.

Голос у нее возмущенный, даже агрессивный.

– Послушайте, Анжелика, – тон беседы Оленину явно не нравился, – давайте сразу договоримся, что вы не будете к нам относиться как к противникам. Я не очень понимаю вашу настрой. Давайте лучше подумаем вместе, кому ваш муж мешал настолько, что его следовало убить.

Молодая женщина передернула плечами.

– Спросите лучше, кому он не мешал...

– То есть?

– Когда в него в первый раз стреляли, я немного удивилась. Такое ничтожество, и вдруг заслужил пулю... Он объяснил, что убивают тогда, когда дело пахнет деньгами. «Это только глупцы говорят, – сказал он, – что деньги не пахнут. Очень даже сильно пахнут». Второе покушение я восприняла уже как должное. Потому что деньги он не считал.

– А вы считали? – от дверей спросил Овчинников.

– Зачем? Сколько мне нужно было, столько и брала. У меня не возникало необходимости считать остатки. Все равно я при всей своей фантазии не знала, куда их деть, – высокомерно ответила супруга Толстяка.

Оленин понял, что Анжелика врет. Толстяк не был настолько богатым человеком. А врет она для того, чтобы поддразнить милиционера, зарплата которого ей хорошо известна. У молодой женщины чувствовалось определенное отношение к следственным органам. Интересно было бы узнать – откуда?

Разговор не получался. Едва ли она могла чем-то помочь сейчас, и потому Николай Сергеевич оставил женщину беседовать с Нигматуллиным. Сам вышел в коридор покурить и позвал кивком головы Овчинникова. Тот, точно таким же кивком, позвал еще одного опера из своего отдела – Оленин забыл его имя.

В стороне от дверей кабинета, чтобы внутри их не слышали, они остановились, закурили.

– Костя, рассказывай...

Второй опер отрицательно и беспомощно покачал головой.

– Ничего. Стоянка внизу не охраняется. Машин – сами видели. Кто заметит постороннюю... Да там половина посторонних. Через главный вход проходит куча народа. Вахтерша знает в лицо всего несколько десятков человек. Да ей и не до расспросов. Она там всякой всячиной торгует. Бесплатная точка – что может быть для бабки лучше. Возможно, убийца прошел и здесь. Охранники финансово-строительной компании постоянно, как на посту, возле урны сидят. Посторонних, входящих в правое крыло, не видели. Местных в лицо знают всех. Мнят из себя профессионалов, а толку от них...

– Войти можно и по другой лестнице, сбоку, – сказал Володя.

– Да. Только не с первого этажа. На первом этаже в этом крыле дверь на лестницу закрыта. Там складские помещения института. И завхоз не любит, когда шастают мимо ее складов. Но с лестницы идет выход к другой двери, в производственный корпус. Эта дверь на висячем замке. Ключ только у завхоза.

– Долго ли открыть?

– Но не с той же стороны...

– Понятно. Дальше.

– Есть еще один выход. Справа пристройка. Ее купила какая-то фирма «Пеппи». Проход перекрыт металлической дверью. Закрывается на засов с той стороны. Замка нет. В самой пристройке сейчас делается ремонт. Там одни строители. Они посторонних не видели. Только хозяева иногда приходят, посмотрят, как дела идут, и уходят. Строителей еще не всех опросили. Скоро закончат, сообщат.

– Дверьми пусть эксперты займутся, – распорядился Оленин. – Преступник не по воздуху летал. Он где-то проходил, кто-то его видел. Не бывает людей-невидимок. И обязательно он открывал двери или окна. Сейчас не такая погода, чтобы в перчатках ходить – сразу обратят внимание. Каждый отпечаток – на сверку. Искать по картотеке СНГ. Володя, какие еще варианты?

– Заказчик. Начнем проверку всех, кто имел в последнее время дела с Толстяком. Здесь два пути – он имел дело и кого-то в очередной раз кинул или пытался перейти кому-то путь в недалеком будущем. Сегодня же опросим всех сотрудников «Альто». Каждое дело просветить невозможно, людей не хватит, но самые перспективные следует просмотреть. Самые денежные, где могут возникнуть разногласия или обиды.

– Еще что?

– Пока все.

– Тогда, – сказал Оленин, – третий вариант. Жена Анжелика. Мой нюх собачий говорит мне, что с ней нам еще придется встретиться.

– Трудно с ней общаться, – посетовал Овчинников. – Но попробуем. Причины у нее, возможно, и были...

2

Под конец рабочего дня Оленин заправил машину, нервным пожатием плеч отреагировав на повышение цен на бензин, и поставил «Волгу» на платную стоянку. Татьяну он еще в обед предупредил, что сегодня задержится. Возможно, допоздна. Потому ехать домой и ставить машину в подвальном охраняемом гараже – такая редкость в их элитарном доме была – не стал. Жена увидит «Волгу», начнутся ненужные расспросы. Оленин не хотел, чтобы Татьяна знала, где он находится. Сегодня не до объяснений с женой.

После этого купил пару бутылок водки, кое-какой закуски и на троллейбусе отправился к Сохатому, как они и договорились по телефону.

Дом нашел сразу. Прикинул расположение квартир и вычислил окна на втором этаже. Да, это не хоромы старшего следователя по особо важным делам. Стекла запыленные, грязные. За ними самые обыкновенные шторы. Солидности не чувствуется. И не чувствуется женской руки. Сохатый, должно быть, так больше и не женился. Первая жена оформила развод, как только узнала, какой срок дали ее мужу. Мать должна быть уже старой. Если и не умерла, то за порядком следить, похоже, не в состоянии.

Грязный подъезд. Полутемная лестница. В квартиру дверь металлическая. Пара серьезных замков. Позвонил. Долго не открывали, и Оленин подумал было, что Лосев куда-то ненадолго отлучился. На всякий случай позвонил еще раз. Вот заскрипел за дверью пол под чьими-то ногами. Кто-то остановился и посмотрел, должно быть, в дверной глазок. Дверь распахнулась стремительно и широко.

– Докладывай, товарищ старший сержант, – через порог сказал Дым Дымыч, сделал шаг назад и протянул руку для пожатия. Через порог здороваться не захотел – нехорошая примета.

– Прибыл в ваше распоряжение, – Оленин тоже протянул руку.

Кисть у Сохатого такая же, что и прежде. Пальцы словно в слесарные тиски попадают. Не вырвешься, даже если очень захочешь. И сам он остался прежний, несколько не растолстел с возрастом – фигуру, похоже, блюдет. Лицо по-прежнему мужественно-обаятельное, вызывающее симпатию, хотя и несколько простоватое. Но Оленин знал, что эта простота напускная. Скорее, она и не от характера идет, а от образа жизни, которым Сохатый жил и, судя по всему, продолжает жить. Да и вообще имидж у него такой. Со стороны посмотришь – простенький мужик. И не увидишь в нем опытного боевика-диверсанта, прошедшего огней и вод больше, чем многие испытанные афганцы, но медных труб не удостоившийся. Это потому, что на Сохатом и вообще на кабульской отдельной роте спецназа ГРУ попросту ездили во время той войны. Ни дня отдыха не давали. По принципу – если лучший, то ты и должен идти...

– Я уж думал, ты убежал куда-то, меня не дождавшись, – Николай Сергеевич протянул хозяину пластиковый пакет с водкой и закуской.

Сохатый прикинул груз на вес, заглянул в пакет насмешливо и довольно хмыкнул.

– Похоже, у нас намечается сегодня большая пьянка. Я столько же и того же качества припас. Только я... – Дым Дымыч, как показалось гостю, несколько смутился. – Не один сегодня. Редкая гостья неожиданно пожаловала, без предупреждения. Если хочешь, мы ее попросим подружку позвать. Проходи...

Оленин разулся и прошел в комнату через непривычно маленький по сравнению с его площадями коридорчик – два шага для разбега от стены к стене.

– Знакомьтесь. Это Феня. Феня Инфляция, – насмешливо проговорил Дым Дымыч. – Это я так ее зову. Хорошее имя, колоритное. А главное, полностью отвечает ее хищной и циничной сущности.

На окнах были задернуты шторы. В комнате стоял полумрак. Со старого продавленного дивана поднялась навстречу Оленину женщина. Протянула руку. Он хотел показать светские манеры и поцеловать ее, поднял глаза и чуть не ахнул.

Собачий нюх не подвел старшего следователя по особо важным делам. Перед ним стояла Анжелика. Новоиспеченная вдова Толстяка. Все в точности как он и предполагал сегодня в беседе с капитаном Овчинниковым – их пути пересеклись. Только в слишком неожиданном месте.

– Мы сегодня уже познакомились с гражданином Лениным, – сказала Анжелика, ничуть не смутившись и даже насмешливо. – Честно говоря, он произвел впечатление галантного, но занудливого человека. И уж никак не ожидала, что придется в его обществе провести и сегодняшний вечер.

– А почему вдруг Феня? Партийный псевдоним? – спросил Николай Сергеевич, пытаясь побороть растерянность.

Сохатый усмехнулся.

– Ну, что у нее за безликое имя – Анжелика... Была бы маркиза, я бы простил. А так – для дураков. Их на каждом углу, как бездомных кошек. Пусть будет лучше Феней. Легче запоминается. И где же свела вас судьба-злодейка?

Оленин предпочел промолчать, предоставляя возможность ответить Анжелике, а сам продолжал внимательно наблюдать за реакцией Сохатого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.